

Александр Дюма

Сальватор. Книга IV

*Часть сборника
Сальватор*

Александр Дюма
Сальватор. Книга IV

Издательство «РИМИС»

1863

Дюма А.

Сальватор. Книга IV / А. Дюма — Издательство «РИМИС», 1863

Внимание читателя, возможно, уже знакомого с героями и событиями романа «Могикане Парижа», предлагается продолжение – роман «Сальватор». В этой книге Дюма ярко и мастерски, в жанре «физиологического очерка», рисует портрет политической жизни Франции 1827 года. Король бессилён и равнодушен. Министры цепляются за власть. Полиция повсюду засылает своих провокаторов, затевает уголовные процессы против политических противников режима. Все эти события происходили на глазах Дюма в 1827—1830 годах. Впоследствии в своих «Мемуарах» он писал: «Я видел тех, которые совершали революцию 1830 года, и они видели меня в своих рядах... Люди, совершившие революцию 1830 года, олицетворяли собой пылкую юность героического пролетариата; они не только разжигали пожар, но и тушили пламя своей кровью».

© Дюма А., 1863

© Издательство «РИМИС», 1863

Содержание

Глава CIV	6
Глава CV	11
Глава CVI	17
Глава CVII	22
Глава CVIII	27
Глава CIX	33
Глава CX	38
Глава CXI	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр Дюма Сальватор. Книга IV

Глава CIV

Улики

Сальватор вошел в кабинет господина Жакаля в тот самый момент, когда господин Жерар начал свою бешеную скачку.

Для господина Жакаля, как мы уже знаем, не было ни дня, ни ночи. Когда же он спал? Этого не знал никто: он спал, как едят люди, которые очень спешат. То есть на ходу.

Он отдал приказ своим подчиненным пропускать к нему Сальватора в любое время суток.

Господин Жакаль был занят тем, что слушал доклад, который его явно интересовал, поскольку он велел попросить Сальватора подождать пять минут.

Через пять минут Сальватор вошел в кабинет господина Жакаля как раз в тот момент, когда из него вышел через другую агент начальника тайной полиции.

Сальватор положил в угол завязанную с четырех углов скатерть с останками ребенка, а Роланд, жалобно заскулив, лег рядом с этим печальным узлом.

Господин Жакаль смотрел на действия молодого человека, приподняв очки, но не стал спрашивать, что тот делает.

Сальватор направился к нему.

Кабинет был освещен всего лишь одной лампой под зеленым абажуром. Эта лампа освещала только круг на рабочем столе господина Жакаля, в то время как остальная часть кабинета продолжала оставаться в темноте.

Таким образом, когда они уселись перед столом, их колени были освещены, а лица терялись в полумраке.

– Ах-ах! – первым произнес господин Жакаль. – Так это вы, дорогой мсье Сальватор. Я и не знал, что вы в Париже.

– Да, я вернулся всего несколько дней тому назад, – ответил Сальватор.

– И благодаря каким же новым обстоятельствам я имею честь видеть вас у себя? Поскольку вы человек неблагодарный и приходите ко мне только тогда, когда вам ничего другого не остается.

Сальватор улыбнулся.

– Человек не волен постоянно приходиться к тому, кто ему симпатичен, – сказал он. – Да и потом у меня много дел.

– И откуда же вы пришли сейчас, господин занятой человек?

– Я только что из Ванвра.

– Эге! Уж не ухлестываете ли вы за любовницей господина де Моранда, как ваш приятель Жан Робер за его женой? Бедняге в таком случае не позавидуешь!

И господин Жакаль набил ноздри огромной порцией табака.

– Нет, – сказал Сальватор, – вовсе нет... Я прибыл от одного из ваших друзей.

– Одного из моих друзей?.. – переспросил господин Жакаль, делая вид, что старается угадать, от кого именно.

– Или от одного из ваших знакомых, так будет точнее.

– Вы заставляете меня теряться в догадках, – снова произнес господин Жакаль. – Друзей у меня мало, поэтому я сразу же догадался бы, о ком идет речь. Но вот знакомых у меня очень много.

– О, не стану утруждать вас догадками, – сказал молодой человек серьезным голосом. – Я прибыл от господина Жерара.

– Господин Жерар? – спросил начальник полиции, открывая табакерку и запуская в нее чуть ли не всю ладонь. – Господин Жерар! Кто же это такой? Вы ошибаетесь, дорогой мсье Сальватор, я не знаю никакого господина Жерара.

– О, знаете! Одного слова, а скорее одного намека будет достаточно для того, чтобы вы его вспомнили: это тот самый человек, который совершил преступление, за которое завтра будет казнен господин Сарранти.

– Ба! – воскликнул господин Жакаль, с шумом втягивая носом понюшку табака. – А вы уверены в том, что говорите? Вы уверены, что этот человек и является настоящим убийцей? Апчхи!

– Мсье Жакаль, – сказал Сальватор, – мы оба очень дорожим нашим временем и не можем его понапрасну терять. Хотя оба мы и преследуем совершенно разные цели. Давайте же используем наше время с пользой для дела. Выслушайте меня и постарайтесь не перебивать. К тому же мы с вами слишком давно знаем друг друга, чтобы ломать комедию. Если у вас есть власть, то и у меня ее достаточно, вам это известно. Я не хочу напоминать вам о том, что я спас вам жизнь, я просто хочу сказать, что тот, кто поднимет на меня руку, не проживет больше суток.

– Я знаю, – сказал господин Жакаль. – Но поверьте, что для меня долг превышает жизни и что угрозами меня...

– Я вам не угрожаю. В доказательство этого вместо того, чтобы говорить утвердительно, я буду говорить вопросительно. Верите ли вы в то, что тот, кто поднимет на меня руку, не проживет и суток?

– Не верю, – спокойно ответил господин Жакаль.

– Это все, что я хотел бы узнать... А теперь давайте перейдем к делу. Завтра должна состояться казнь господина Сарранти.

– Я об этом и забыл.

– Короткая же у вас память. Ведь не далее как сегодня вечером, в пять часов, вы предупредили исполнителя воли суда о том, чтобы тот был готов к завтрашнему дню.

– Но почему, черт возьми, вы так интересуетесь судьбой этого Сарранти?

– Он отец моего самого близкого друга, аббата Доминика.

– Да, это мне известно. Я знаю также, что этот несчастный юноша добился от короля отсрочки казни отца на три месяца. Без этой отсрочки его отец был бы казнен уже полтора месяца тому назад. Он отправился в Рим, не знаю уж зачем. Но ему, несомненно, ничего не удалось там сделать. Или же он погиб по пути туда, поскольку его больше никто не видел. Это очень печально!

– Но не настолько, как вы полагаете, мсье Жакаль. Ибо пока он шел в Рим, чтобы добиться помилования отца, он попросил меня здесь на месте восстановить справедливость. Я принялся за дело и с помощью Господа нашего, который не оставляет без поддержки добрые сердца, мне это удалось.

– Вам это удалось?

– Да, несмотря на ваше противодействие. Мне удалось это во второй раз, мсье Жакаль.

– А когда же был первый раз?

– Э! Вы забыли Жюстена и Мину, девушку, которая была похищена моим кузеном Лореданом де Вальженезом. Полагаю, для вас не новость то, что меня зовут Конрадом?

– Должен признаться, что я это подозревал.

– С той поры, как я вам об этом сказал, а точнее, после нашего разговора в вашей карете, когда мы возвращались из Медона в тот самый день, или, вернее, в ту самую ночь, когда мы прибыли слишком поздно и не смогли спасти Коломбана, но достаточно рано для того, чтобы суметь спасти Кармелиту, не так ли?

– Да, – ответил господин Жакаль, – помню. Значит, вы говорите?..

– Я говорю, что вам лучше моего известна та история, которую я собираюсь вам рассказать. Но я полагаю, что очень важно, чтобы вы знали, что и мне все известно. Из замка Вири исчезли двое детей. В их похищении обвинили господина Сарранти. И обвинили ошибочно! Один из детей, Виктор, был убит господином Жераром и зарыт в парке у подножия дуба. Девочка же, Леония, в тот момент, когда ее собиралась убить сожительница этого негодяя по имени Урсула, так громко кричала, что на помощь ей пришла собака, которая задушила женщину, собиравшуюся зарезать ребенка. Девочка в ужасе выбежала на большак, ведущий в Фонтенбло, где ее и подобрала некая цыганка. Ее зовут Броканта, она проживает в доме номер 4 по улице Ульм. Вы с мэтром Жибасье побывали у нее в доме накануне исчезновения Рождественской Розы. А ведь Рождественская Роза – не кто иная, как маленькая Леония. Я за нее не беспокоюсь, поскольку знаю, что она в ваших руках. И просто напоминаю вам об этом.

Господин Жакаль испустил нечто похожее на рычание. Этот звук был для него обычен, он довольно точно копировал рычание животного, чье название весьма близко напоминало его фамилию.

– Что же касается мальчика, зарытого у подножия дуба, то не стану рассказывать, как с помощью Брезилля, сегодня носящего кличку Роланд, я обнаружил его, хотя искал совершенно другое. Это место вам известно, не так ли? Я вас туда уже приводил. Вот только трупа там не оказалось.

– Вы считаете, что его забрал оттуда я? – спросил господин Жакаль, втягивая носом огромную порцию табака.

– Нет, не вы. Это сделал господин Жерар, которого вы предупредили.

– Честнейший господин Жерар, – сказал господин Жакаль. – Если бы ты слышал, что здесь про тебя говорят! Как бы ты возмутился!

– Вы ошибаетесь, он не возмутился бы, он задрожал бы от страха.

– Но что заставило вас предположить, что труп ребенка похитил именно господин Жерар?

– О, я это не предполагал, я в этом был уверен. И эта уверенность родилась во мне сразу же. Я был настолько в этом уверен, что тут же подумал: ведь для большей безопасности и спокойствия господин Жерар мог перепрятать этот несчастный скелет только у себя дома в Ванвре. И тогда, сами понимаете, в одну прекрасную ночь, похожую на сегодняшнюю, когда невозможно отличить небо от земли, я помог Роланду перелезть через стену сада имени господина Жерара в Ванвре. Затем перелез через стену сам и сказал ему: «Ищи, мой славный пес, ищи!» Роланд начал поиски, и, хотя мне и не хочется применять слова Евангелия к простому четвероногому, он нашел то, что искал. Спустя десять минут он принялся рыть траву лужайки с таким остервенением, что мне пришлось уводить его, взяв за ошейник, поскольку я не хотел, чтобы наутро были обнаружены следы нашего пребывания в саду. Но я был уверен в том, что труп зарыли именно там. Мы с Роландом ушли точно так же, как и пришли. С той лишь разницей, что проделали мы все в обратном порядке: не снаружи вовнутрь, а изнутри наружу. Вот и вся история. Об остальном вы сможете догадаться сами, не так ли, мсье Жакаль? Господин Сарранти, сидящий в тюрьме уже шесть месяцев, никак не мог три месяца тому назад отрыть труп, закопанный у подножия дуба в имении Вири, перенести его и снова зарыть посреди лужайки в имении Ванвр. А если этого не мог сделать господин Сарранти, то остается только господин Жерар.

– Гм! – только и смог произнести господин Жакаль. – Но... Нет, ничего.

– О, заканчивайте. Вы хотели спросить меня, почему же это я, зная о том, что труп находится в имении господина Жерара, не предпринял ничего namного раньше?

– Честное слово! – сказал господин Жакаль. – Должен признаться, что этот вопрос я собирался задать вам из чистого любопытства, поскольку то, что вы только что мне рассказали, скорее не случай из жизни, а некий роман.

– И все-таки это – случай из реальной жизни, дорогой мсье Жакаль. Он очень и очень реальный. Вы хотели узнать, почему я не стал действовать немедленно. Я отвечу. Я – глупец, дорогой мсье Жакаль. Я считал себя умнее, чем я есть на самом деле. Я полагал, что господин Жерар не посмеет дать погибнуть безвинному человеку вместо себя, что он покинет Францию и из Германии, из Англии или из Америки придет признание. Но нет! Этот гнусный мерзавец и не подумал о том, чтобы сделать это.

– Пф! – произнес господин Жакаль. – Возможно, в этом и нет его вины, и не стоит за это так на него сердиться.

– Но сегодня вечером я сказал себе: пора!

– И вы пришли за мной, чтобы пригласить поехать на эксгумацию трупа?

– Ни в коем случае. О, я поостерегся сделать это! У нас, охотников, есть поговорка, которая гласит о том, что стреляный воробей и куста боится. Нет, на этот раз я сделал все сам!

– Как это – сам?

– Да. Сейчас коротко расскажу. Я знал, что сегодня вечером господин Жерар устраивает у себя торжественный ужин, чтобы обсудить вопрос о выборах. Я сумел удалить господина Жерара из дома на час-другой. И тогда я пришел к нему, сел за стол с его гостями, дав возможность Брезилу порыться под столом. Короче говоря, Брезил так упорно рыл землю, что спустя четверть часа мне оставалось только отодвинуть стол в сторону и показать гостям господина Жерара результат трудов моего пса. Их было десять человек, одиннадцатый упился и куда-то пропал. Они подписали протокол, составленный по всем правилам, поскольку среди подписавшихся были врач, нотариус и судебный исполнитель. Вот этот протокол. А что касается скелета, – добавил Сальватор, встав и положив на стол господина Жакаля связанную узелком скатерть и принимаясь развязывать ее, – то скелет здесь!

Как ни привычен был господин Жакаль к ежедневно разворачивающимся перед его глазами драмам, он оказался настолько удивлен этой развязкой, что побледнел и, не скрывая, как обычно, своего волнения, отпрянул с креслом от стола.

– Теперь, – сказал Сальватор, – слушайте меня внимательно. Я клянусь Богом, что, если завтра господин Сарранти будет казнен, я обвиню в его смерти вас, и только вас одного, мсье Жакаль! Это ясно, не так ли? Вы не станете утверждать, что я говорю вам двусмысленно? Итак, вот улики. – Он указал на останки. – Оставляю их вам. С меня достаточно протокола эксгумации. Он подписан тремя должностными лицами: врачом, нотариусом и судебным приставом. Я незамедлительно подам жалобу королевскому прокурору. Если будет нужно, я пойду к министру юстиции, даже к самому королю.

И Сальватор, сухо кивнув начальнику полиции, вышел вместе с Брезилом из кабинета, оставив господина Жакаля в подавленном состоянии от того, что тот только что услышал, и весьма обеспокоенного угрозой, высказанной молодым человеком.

Господин Жакаль уже давно знал Сальватора, не раз видел его в деле, знал, что это был решительный и последовательный в своих действиях человек, никогда не обещавший того, что не сможет сделать.

И поэтому, когда за Сальватором закрылась дверь, он очень серьезно задумался над тем, что ему в данных обстоятельствах следовало предпринять.

У него было очень простое средство все уладить: просто-напросто предоставить господину Жерару самому выпутываться из сложного положения. Но это означало бы своими собственными руками расстроить столь тщательно сплетенную интригу. Это означало бы сделать из бонапартиста героя и даже больше чем героя, – мученика. И превратить накануне выборов кандидата, в некотором роде поддерживаемого правительством, в обыкновенного гнусного убийцу. Не говоря уже о том, что господин Жерар, увидев, что он погиб, непременно обвинит господина Жакаля в пособничестве. Нет, этот путь никуда не годился.

Был еще вариант, и именно на нем решил остановиться господин Жакаль.

Он стремительно встал, подошел к окну и дернул за спрятанный там шнур звонка.

И немедленно зазвенели десять или двенадцать звонков, расположенных в жилом корпусе, где находились апартаменты господина Жакаля, и на всех этажах здания префектуры.

– Таким образом, – прошептал он, усаживаясь на место, – у меня по крайней мере будет время на то, чтобы получить указания от министра юстиции.

Не успел он пробормотать эти слова, как дежурный доложил о том, что прибыл господин Жерар.

Глава CV

В которой господин Жакаль старается найти достойное завершение бурной жизни господина Жерара

В кабинет влетел мертвенно-бледный, позеленевший, покрытый потом и весь дрожащий господин Жерар.

– Ах, мсье Жакаль! – вскричал он. – Мсье Жакаль!

– Ладно, ладно, – сказал господин Жакаль, – возьмите себя в руки, честнейший мсье Жерар. У нас есть время подумать о вас.

Затем сказал вполголоса дежурному:

– Быстро спуститесь вниз! Вы видели только что вышедшего от меня молодого человека с собакой, не так ли?

– Да, мсье.

– Прикажите задержать его и пса, поскольку и тот и другой одинаково опасны. Но пусть те, кто будет их арестовывать, не смеют сделать ничего плохого ни человеку, ни псу. Вы меня поняли?

– Да, мсье.

– Тогда поторопитесь. Я никого не принимаю. И пусть заложат лошадей. Ступайте!

Дежурный исчез, словно призрак.

Господин Жакаль обернулся к господину Жерару.

Негодяй был на грани обморока.

Сил говорить у него уже не было. Он молитвенно сложил ладони.

– Ладно, ладно, – с отвращением сказал господин Жакаль, – что-нибудь придумаем, успокойтесь. А пока подойдите-ка к окну и скажите, что происходит во дворе.

– Как! Вы хотите сказать, что я в таком состоянии?..

– Честнейший мсье Жерар, – сказал начальник полиции, – вы ведь пришли затем, чтобы попросить меня оказать вам услугу, не так ли?

– О, да! Большую услугу, мсье Жакаль!

– Тогда знайте, что жизнь всего лишь обмен услугами. Вы нужны мне, я нужен вам. Так давайте помогать друг другу!

– Я только этого и желаю.

– А если вы только этого и желаете, то ступайте к окну.

– А что же будет со мной?

– С вами? С вами потом. Есть дела более срочные. Если бы я не делал все свои дела по порядку, то зарылся бы. Порядок, честнейший мсье Жерар, порядок прежде всего! Поэтому сначала подойдите к окну.

Господин Жерар подошел к окну, опираясь на попадавшие по пути предметы мебели. Казалось, что у него перебиты ноги: он не шел, а скорее тащился.

– Подошел, – прошептал он.

– Тогда откройте окно.

Пока господин Жерар открывал окно, господин Жакаль устроился поудобнее в кресле, достал свою табакерку, взял из нее понюшку и с наслаждением втянул ее в нос.

В борьбе он был поистине велик, а на сей раз он нашел в лице Сальватора достойного противника.

– Окно открыто, – сказал господин Жерар.

– Посмотрите в таком случае, что делается во дворе.
– По нему идет некий молодой человек.
– Хорошо.
– На него набрасываются четверо полицейских.
– Хорошо.
– Начинается борьба.
– Хорошо. Внимательно следите за тем, что произойдет дальше, честнейший мсье Жерар, поскольку в руках у этого молодого человека ваша жизнь.

Господин Жерар вздрогнул.

– О! – воскликнул он. – Там еще и собака!

– Да-да, и довольно пронырливая собака! Что происходит?

– Собака вступилась за него.

– Так я и думал.

– Полицейские зовут подмогу.

– Но не отпускают молодого человека, не так ли?

– Нет. Они держат его ввосьмером.

– Но этого же недостаточно, черт возьми!

– Он бьется, словно лев.

– Отважный Сальватор!

– Одного он сбил с ног, схватил за горло другого. Собака вцепилась в горло третьему.

– Черт возьми! Дело осложняется! А где же солдаты?

– Только что прибыли.

– И?..

– Они повалили его на землю.

– А собака?

– Собаке накинули на голову мешок и завязывают этот мешок на шее.

– Эти болваны довольно изобретательны, когда речь идет о спасении своей шкуры.

– Человека уносят.

– А собака?

– Собака следует за ним.

– Что еще?

– Человек, собака и полицейские скрылись под сводом.

– Все кончено. Закройте окно, честнейший мсье Жерар. А теперь сядьте вот в это кресло.

Господин Жерар закрыл окно, подошел к столу и скорее рухнул, чем сел, в кресло.

– А теперь, – произнес господин Жакаль, – поболтаем немного о наших делишках... Вы сегодня устроили шикарный ужин по случаю назначения вас мэром, не так ли, честнейший мсье Жерар?

– Я полагал, что в том положении, в котором я нахожусь, ответив на просьбы депутации...

– Да, попробовать подкупить их с помощью кулинарии. Я вас ничуть за это не осуждаю, дорогой мсье Жерар. Так поступают многие. Но вы допустили ошибку.

– Какую же?

– Не следовало покидать гостей в разгар застолья.

– Но, мсье Жакаль, ко мне пришли и сказали, что вы немедленно желали меня видеть.

– Надо было отложить все дела на другой день и ответить как Гораций: *Valeat res ludicra!*¹

– Я не посмел, мсье Жакаль.

– И на период своего отсутствия оставили гостей сидящими за столом?

– Увы, да!

---

¹ «*Valeat res ludicra*» (лат.) – «Оставьте всякие глупости». (Прим. изд.)

– И даже не подумали о том, что стол находится на том самом месте, куда вы перезахоронили труп несчастного ребенка!

– Мсье Жакаль! – вскричал убийца. – Откуда вам?..

– У меня ведь профессия такая: все знать!

– Значит, вам известно?..

– Мне известно, что по возвращении домой вы увидели, что гости разбежались, что дом пуст, стол опрокинут, а могила пуста.

– Мсье Жакаль! – воскликнул подонок. – Где же может быть скелет?

Господин Жакаль потянул за уголок лежащей на его рабочем столе скатерти и открыл останки.

– Здесь, – сказал он.

Господин Жерар издал душераздирающий вопль, вскочил, как бешеный, и бросился к двери.

– Э, да что это вы делаете? – спросил господин Жакаль.

– Не знаю... Спасаясь.

– Но куда же? В таком состоянии вы и четырех шагов не сделаете, как вас арестуют!.. Мсье Жерар, когда человек является вором, убийцей, клятвопреступником, он должен иметь не такую голову, как ваша. Я начинаю верить, что вы родились честным человеком. Хватит, вернитесь на место и давайте поговорим спокойно, как того требуют сложившиеся серьезные обстоятельства.

Господин Жерар, покачиваясь, вернулся к столу и сел в кресло, с которого только что вскочил, словно ужаленный.

Господин Жакаль приподнял очки и посмотрел на мерзавца взглядом кота, держащего в когтях своих мышь.

Затем, по прошествии нескольких секунд этого изучения, от которого на лысом черепе убийцы выступили крупные капельки пота, господин Жакаль продолжил:

– А знаете, вы могли бы стать поистине бесценным персонажем для такого автора мелодрам, каким является господин Жильбер де Пиксерекур, или для такого романиста, как господин Дюкре-Дюминиль! Какая другая жизнь может быть столь богата драматическими событиями, кроме вашей! Господи боже! Какими волнующими сценами, какими волнительными моментами наполнена никому не известная драма вашей жизни. Не говоря уже об этой собаке! Так где же вы познакомились с этим псом? Это ведь потомок собаки Монтагриса! Видно, что этот дьявол Брезил имеет что-то личное против вас!

Господин Жерар застонал.

Господин Жакаль сделал вид, что ничего не слышит, и продолжил:

– Слово даю, весь Париж аплодировал бы драме подобного содержания. Правда, в ней еще нет развязки, но мы для того сейчас и собрались, чтобы дописать ее конец, не так ли, честнейший мсье Жерар? Занавес упал после четвертого ее акта: опрокинутый стол, пустая могила, сбежавшие из проклятого дома гости и слуги, – такова картина!

– Мсье Жакаль, – пробормотал убийца умоляюще, – мсье Жакаль!..

– О! Я прекрасно знаю, что вы хотите сказать: вы не знаете, как из всего этого выпутаться. Черт побери! Это уж ваше личное дело: когда люди работают вместе, каждый занимается своей частью работы или один из них страдает. Я свою часть работы сделал: арестовал защитника невинного человека и его добродетельного пса.

– Как?

– Этого молодого человека, который сбивал с ног и душил моих полицейских, и этого пса, который их кусал. И ради кого бы вы думали одному надели на голову мешок, а другому нацепили наручники? Ради вас, неблагодарный!

– Так этот молодой человек? Этот пес?..

– Этот молодой человек, честнейший мсье Жерар, является комиссионером с улицы Офер по имени Сальватор. Он друг аббата Доминика, сына господина Сарранти. Пса зовут Брезил, он раньше принадлежал вашему несчастному брату и был другом ваших бедных племянников. Да, это Брезил, которого вы пытались убить, но не смогли, поскольку промахнулись, или скорее попали не туда, куда было нужно. И можете быть уверены в том, что он разорвет вас на части при личной встрече!

– О, бог мой, бог мой! – произнес господин Жерар, закрывая лицо ладонями.

– Ладно! – сказал господин Жакаль. – Вы снова опрометчиво взываете к Богу. Но, несчастный, если он вас увидит именно в тот момент, когда у него под рукой молнии, он немедленно поразит вас на месте. А что? Послушайте, это вполне могло бы стать неплохой развязкой. И к тому же достойной с точки зрения морали. Как вы считаете?

– Мсье Жакаль, во имя той жалости, которая еще осталась в вашей душе, не шутите так. Вы меня убиваете!

И, безвольно вытянув руки вдоль ножек кресла, он откинул на его спинку свою смертельно-бледную голову.

– Хватит, хватит, не переживайте вы так, – сказал господин Жакаль. – Сейчас, черт побери, не время для того, чтобы бледнеть, терять сознание и заливать потом паркет у меня в кабинете. Включите все свое воображение, мсье Жерар, думайте, думайте!

Убийца, не произнося ни звука, покачал головой. Он был уничтожен.

– Берегитесь, – сказал господин Жакаль, – если вы заставите меня заканчивать эту драму в одиночку, я могу дописать такой конец, который вам не очень понравится. В качестве драматурга-моралиста и начальника полиции я могу сделать следующее: нахожу какой-нибудь способ, который позволит сбежать отсюда молодому человеку и его псу. Даю им возможность отправиться к королевскому прокурору, к министру юстиции, к великому канцлеру. Куда они пожелают. Признаю невиновность невинного, виновность виновного и в тот самый момент, когда палач будет готовить приговоренного к казни, заставлю сотню подручных закричать: «Господин Сарранти свободен! Настоящий виновник – господин Жерар! Вот он! Вот он!» И сажаю господина Жерара в ту же самую камеру, откуда с триумфом выйдет господин Сарранти под крики «браво» и продолжительные аплодисменты многочисленной публики.

Господин Жерар не смог сдержать стоны. По телу его пробежала дрожь.

– Ах, ну до чего же у вас слабые нервы! – сказал господин Жакаль. – Будь у меня хотя бы трое таких же подручных, как вы, я через неделю уже стал бы эпилептиком. Ну же, скажите что-нибудь теперь вы. Черт возьми! Я говорю вам: «Такой мне видится развязка», но не говорю, что она очень удачна. Теперь вы должны предложить мне свой вариант. Если ваша развязка окажется лучше моей, я приму ее.

– Но у меня нет ни единого варианта развязки! – воскликнул господин Жерар.

– Что? Не верю! Вы не пришли бы сюда, не имея какого-либо плана.

– Нет же! Я поехал сюда, чтобы спросить вашего совета.

– В это не очень-то верится.

– Но по пути я думал.

– И каков же результат ваших путевых раздумий?

– Я подумал, что вы не меньше меня заинтересованы в том, чтобы со мной не приключилось никакой беды.

– Это не совсем так. Но ладно, продолжайте!

– Я, например, подумал, что у меня в запасе есть еще двенадцать часов.

– Двенадцать это много. Ладно, пусть будет двенадцать.

– И что за двенадцать часов можно уехать довольно далеко.

– Платя по три франка за версту, можно уехать за сорок лье отсюда.

– Что через восемнадцать часов я мог бы быть уже в каком-либо морском порту, а через двадцать четыре часа в Англии.

– Но для этого вам понадобился бы паспорт.

– Конечно.

– И вы пришли ко мне, чтобы я вам его дал?

– Точно так.

– И предоставите мне после вашего отъезда полную свободу действий? Я буду решать, спасать жизнь господину Сарранти или позволить его казнить?

– Я никогда не требовал его казни...

– Поскольку она могла спасти вашу жизнь. Это понятно.

– А что вы скажете насчет моей просьбы?

– Вашей развязки?

– Моей развязки, если хотите.

– Скажу, что она пошлая, что хотя добропорядочность и не наказана, но и преступление тоже не понесло наказания.

– Мсье Жакаль!

– Но поскольку ничего лучшего мы придумать не можем...

– Вы согласны? – воскликнул господин Жерар, подпрыгнув от радости.

– Черт возьми, вынужден согласиться.

– О, дорогой мсье Жакаль!

И убийца протянул руки к начальнику полиции. Но тот убрал руки и позвонил.

На пороге появился дежурный.

– Принесите незаполненный паспорт! – сказал господин Жакаль.

– Для выезда за границу, – застенчиво добавил господин Жерар.

– Да, для выезда за границу, – повторил господин Жакаль.

– Уф! – произнес господин Жерар, обмякнув в кресле и вытирая с лица пот.

Наступило ледяное молчание: господин Жерар не смел взглянуть на господина Жакаля, а господин Жакаль вперил свои маленькие серые глазки в этого негодяя, явно стараясь не упустить ни малейшей детали его агонии.

Дверь снова открылась, заставив вздрогнуть господина Жерара.

– Слушайте, – произнес господин Жакаль, – берегитесь столбняка. Или я сильно ошибаюсь, или вам суждено умереть именно от этой болезни.

– Мне показалось... – пробормотал господин Жерар.

– Вам показалось, что пришел жандарм. Но вы ошиблись, это принесли ваш паспорт.

– Однако, – застенчиво произнес господин Жерар, – на нем нет визы!

– Ну до чего же вы осторожны! – сказал в ответ господин Жакаль. – Да, визы тут нет, но она и не нужна: это паспорт специального агента, если только вы не постыдитесь совершать путешествие за счет правительства.

– Нет-нет! – воскликнул господин Жерар. – Это будет большой честью для меня.

– В таком случае вот ваши документы: «Пропускать беспрепятственно...»

– Спасибо, спасибо, мсье Жакаль! – прервал его негодяй, схватив дрожащей рукой паспорт и не дав начальнику полиции закончить чтение. – А теперь да поможет мне Бог!

И он выскочил из кабинета.

– Да поможет тебе дьявол! – воскликнул вслед ему господин Жакаль. – Ведь если Господь вмешается в твои дела, мерзавец, ты пропал!

Затем он снова позвонил.

– Карета готова? – спросил господин Жакаль у дежурного.

– Десять минут тому назад.

Господин Жакаль посмотрел на себя; одет он был безукоризненно: черный сюртук, черные брюки, черные туфли, белый жилет и белый галстук.

С довольной улыбкой он накинул на плечи шинель, ровным шагом спустился по лестнице, сел в карету и сказал:

– К господину министру юстиции на Вандомскую площадь!

Но тут же спохватился:

– Что это я! Сейчас в замке Сен-Клу большой прием. Все министры будут там до двух ночи.

И, высунув голову из окошка кареты, сказал кучеру:

– В Сен-Клу!

Затем, продолжая разговор с самим собой, устроился поудобнее в уголке кареты.

– Ах, честное слово, – произнес он, зевнув, – как удачно все получилось: в дороге я смогу еще и поспать.

Карета тронулась с места в карьер, а господин Жакаль, умевший засыпать по команде, еще не проехав мимо Лувра, уже спал крепким сном.

Но, подъехав к Кур-ла-Рен, он был разбужен самым неожиданным образом.

Карета была остановлена, обе дверцы ее открылись, и два каких-то человека, поднявшись на ее подножки, приставили к груди господина Жакаля пистолеты. А в это время двое других держали кучера.

Все четверо нападавших имели на лице маски.

Господин Жакаль резко проснулся.

– А? В чем дело? Что вам от меня нужно?

– Ни слова, ни жеста! – сказал один из людей. – Или вы мертвы!

– Что? – вскричал господин Жакаль, еще не отойдя от сна. – Человека в полночь останавливают прямо на Елисейских Полях? Да куда же смотрит полиция?

– Это вам решать, мсье Жакаль. Но успокойтесь, тут вашей ошибки нет, мы не грабители.

– Так кто же вы в таком случае?

– Мы ваши враги, готовые пожертвовать своими жизнями и держащие в руках вашу жизнь. Поэтому, повторяем, молчите, не шевелитесь, затаите дыхание, иначе вы погибнете.

Господин Жакаль, видя, что на него напали незнакомые ему люди, что помощи ждать неоткуда, понял, что следует подчиниться.

– Делайте все, что хотите, господа, – сказал он.

Один из нападающих завязал ему глаза носовым платком, в то время как второй продолжал прижимать к его груди дуло пистолета. То же самое проделали и с кучером.

Когда же кучеру и господину Жакалю завязали глаза, один из четырех незнакомцев сел в карету, другой устроился рядом с кучером и взял у того из рук вожжи, а двое оставшихся устроились на запятках.

– Вы знаете, куда ехать, – повелительным тоном сказал человек, севший в карету.

Карета развернулась, и лошади под яростными ударами кнута пошли в галоп.

Глава CVI

Дорожные впечатления господина Жакаля

Тот из четверых людей в маске, который сел рядом с кучером, безусловно, знал свое дело. Потому что после десяти минут бешеной скачки, во время которой карета сделала столько поворотов и разворотов, что господин Жакаль, несмотря на всю свою наблюдательность и прекрасное знание города, уже перестал понимать, где они находятся, и стал мучиться вопросом, куда же его везут.

Поскольку карета развернулась и, следовательно, возвратилась назад на отрезке между Кур-ла-Рен и набережной Конферанс, потом повернула налево, оказалась на том месте, откуда началась эта гонка, и снова проделала то же самое. Затем она проехала по мосту Людовика XV.

По стуку колес господин Жакаль догадался, что они едут по мосту.

Карета свернула налево и покатила по набережной Орсе.

Об этом господин Жакаль тоже догадался. По свежести поднимавшегося над водой воздуха он сообразил, что карета едет вдоль реки.

Когда карета повернула направо, он сообразил, что они въехали на улицу Бак, а когда она снова свернула направо, ему стало ясно, что карета оказалась на Университетской улице.

На улице Бельшас карета поехала в гору, затем свернула на улицу Гренель, проехала по ней до Университетской улицы и покатила прямо.

Господин Жакаль начал путаться во всех этих поворотах и разворотах.

Но когда они выехали на бульвар Инвалидов, он снова уловил свежий воздух, как на берегу Сены. Эта свежесть шла от покрытых росой деревьев. Он решил, что они снова выехали к реке или же едут по какому-то бульвару.

Поскольку карета уже некоторое время катилась по земле, а не по мостовой, он укрепился в своем мнении.

И понял, что они были на бульваре.

Карета продолжала мчаться со скоростью четыре лье в час.

Подъехав к улице Вожирар, карета остановилась.

– Мы уже приехали? – спросил господин Жакаль, которому начало уже казаться, что поездка несколько затянулась.

– Нет, – лаконично ответил ему спутник.

– Не желая показаться нескромным, – спросил господин Жакаль, – я хотел бы узнать, долго ли еще мы будем ехать?

– Да, – ответил человек с лаконичностью, которой позавидовали бы самые немногословные из спартанцев.

– В таком случае, – сказал господин Жакаль, то ли просто по необходимости, то ли стараясь разговорить спутника и узнать по голосу или по разговору, с какого сорта людьми он имеет дело, – позвольте мне, мсье, воспользоваться этой остановкой и понюхать табаку?

– Пожалуйста, мсье, – сказал спутник господина Жакаля. – Но вначале позвольте мне попросить вас отдать мне оружие, которое вы носите в правом кармане вашей шинели.

– Ах-ах!

– Да, пару карманных пистолетов и кинжал.

– Мсье, даже обыскав мои карманы, нельзя лучше узнать, что там лежит. А теперь позвольте мне вынуть руку, и я передам вам эти три вещицы.

– Это лишнее, мсье. Если вы не против, я возьму их сам. Я не попросил вас отдать их мне раньше только потому, что уже сказал вам, что при первом же вашем движении я вас убью, и желал убедиться в том, дошли ли до вас эти мои слова.

Незнакомец обшарил карманы господина Жакаля, извлек из них оружие и положил его в карман своего редингота.

– А теперь, – сказал он господину Жакалю, – ваши руки свободны. Но поверьте, лучше этой свободой не злоупотреблять.

– Благодарю вас за вашу любезность, – сказал господин Жакаль со всей изысканностью. – Поверьте, что, если мне представится случай ответить на нее тем же самым, я не забуду о том, что вы оказали мне это маленькое удовольствие.

– Такая возможность вам не представится, – ответил незнакомец. – Поэтому вы напрасно об этом мечтаете.

Господин Жакаль, занятый тем, что брал понюшку табаку, остановился, услышав слова, которые так резко закрывали вопрос.

– Черт! Черт! – прошептал он с некоторой обидой. – Неужели эта шутка пойдет дальше того, чем я предполагал? Но кто бы мог проделать со мной подобное? У меня нет ни единого врага, кроме, разумеется, подчиненных. Но вряд ли кто-либо из моих подчиненных осмелился бы устроить мне такую ловушку! Все они смелы и решительны, но под взглядом хозяина становятся глупцами и трусами. Только два человека во Франции могли пойти против меня: Сальватор и префект полиции. Но поскольку префект полиции слишком во мне нуждается в любое время дня и ночи, а особенно накануне выборов, для того, чтобы гонять меня бесцельно по дорогам в первом часу ночи, то это вряд ли префект полиции. А коль скоро это не префект полиции, то это Сальватор. Проклятый Жерар! Ведь это он заставил меня влезть в этот осиный улей. Это все из-за его трусости, подлости и неловкости. Если мне удастся из этого выпутаться, он дорого за это заплатит! Будь он даже в Мономотапа, я найду этого негодяя! Но в чем может заключаться замысел Сальватора? Может быть, он думает моим похищением и исчезновением помочь спасти Сарранти? Ведь именно с этой целью он с помощью своих друзей заставляет меня совершать эту позднюю прогулку. Если только не... Ну и дурень же я! Ну, конечно же!.. Ведь, предвидя возможность своего ареста, он мог сказать своим друзьям: «Если в такой-то час я не выйду из префектуры, это будет означать, что я арестован. Поэтому захватите господина Жакаля и пусть он будет гарантией моей жизни». Так и есть, черт побери! Теперь все ясно!

И господин Жакаль почувствовал такое удовлетворение собственной сообразительностью, что потер от удовольствия руки, словно бы он находился сейчас в своем кабинете и со свойственной ему ловкостью успешно провел сложнейшую операцию.

Господин Жакаль был настоящим художником и занимался он искусством ради искусства.

В тот момент, когда он довольно потирал руки, на крышу кареты упало что-то тяжелое. Шум падения заставил господина Жакаля вздрогнуть.

– Ох-ох! Что это? – спросил он своего спутника.

– Ничего, – ответил тот со свойственной ему лаконичностью.

И, словно бы тот груз, который только что прибавил веса карете, был специально предназначен для того, чтобы вопреки всем законам динамики сделать карету более легкой, карета понеслась с такой скоростью, что господин Жакаль мог бы сравнить ее со скоростью курьерского поезда. Если бы в его время на свете существовали железные дороги.

– Странно! Очень странно! – прошептал господин Жакаль, заряжая в каждую ноздрю по огромной понюшке табака. – Карета после того, как ее вес значительно увеличился, если судить по звуку падения дополнительного груза, едет гораздо быстрее, нежели до получения этого груза. С одной стороны, свежесть воздуха, который, как мне кажется, долетает с Сены, а с другой стороны, карета катит так легко, словно женщина идет по траве... Странно! Очень странно!.. Мы явно выехали за город. Но в какую сторону? На север, на юг, на восток или на запад?

Надежда отомстить за это похищение так захватила господина Жакаля, что в этот момент место, где он находился, интересовало его в тысячу раз больше, нежели конечный результат этой поездки. Дойдя до крайней степени возбуждения, он почувствовал такое сильное нетерпение, его охватило такое неумеренное любопытство, что, позабыв о советах спутника, он поднял левую руку к закрывавшей лицо повязке. Но, услышав звук взводимого курка пистолета в руках спутника, не спускавшего с него глаз и заметившего его движение, господин Жакаль резко опустил руку вниз и, сделав вид, что не услышал этого зловещего звука, воскликнул самым натуральным образом:

– Мсье, могу я попросить вас еще об одном одолжении: я просто задыхаюсь, ради бога, дайте мне возможность глотнуть свежего воздуха!

– Это просто сделать, – ответил незнакомец и опустил стекло правой дверцы. – Только из уважения к вам. Но поскольку я боюсь сквозняков, то другое окошко открывать не будем.

– Вы слишком добры, – поспешил сказать господин Жакаль, почувствовав сильный сквозняк. – Но мне не хотелось бы злоупотреблять вашим участием. Коль скоро сквозняки – а теперь в карете гуляет сквозняк – вредны вашему здоровью или просто вам неприятны, умоляю вас считать мою просьбу недействительной.

– Ни в коем случае, мсье, – ответил незнакомец. – Вы пожелали, чтобы окно было открыто – оно останется открытым.

– Тысяча благодарностей, мсье, – произнес господин Жакаль, не пытаясь даже продолжить разговор, в который его спутник вступал с явным сожалением.

И полицейский снова погрузился в раздумья.

– Да, – сказал он самому себе, – это дело рук Сальватора. И было бы глупо в этом сомневаться. Люди, с которыми я сейчас имею дело, не похожи на остальных людей. Они выражаются очень убедительно, хотя и несколько кратко. Говорят они очень вежливо, но настроены весьма решительно. А такое редко встречается среди тех христиан, которых я знаю. Итак, похищение это устроил Сальватор: как я и предполагал, он, видимо, предвидел то, что я могу его арестовать. Как жаль, что такой ловкий человек столь честен! Этот шутник знает всех в Париже. Да что я говорю: всех в Париже! Он знаком со всей Францией. Не говоря уже об итальянских карбонариях и немецких иллюминатах. Черт, а не человек! Не следовало мне с ним так поступать. Он ведь перед уходом сказал мне: «Вы знаете, что может случиться с человеком, который меня арестует». Да, он меня предупреждал, что тут сказать. Ах, Сальватор! Ах, этот чертов Жерар!

Вдруг у господина Жакаля вырвалось восклицание.

Дело было в том, что в голову ему пришла одна идея, которую он не смог, несмотря на все самообладание, удержать при себе.

– А! – произнес он.

– Что еще? – спросил у него спутник.

Господин Жакаль решил воспользоваться своей неосторожностью.

– Мсье, – сказал он. – Голова моя занята одним очень важным делом. Вы ведь не хотите, чтобы столь приятная прогулка, на которую вы меня вывели, имела неприятные последствия для некоего третьего лица? Представьте себе, мсье, что перед самым моим отъездом я приказал из предосторожности временно задержать одного замечательного молодого человека, которого собирался отпустить на свободу через два часа, то есть по возвращении из Сен-Клу. Поскольку я направлялся именно в Сен-Клу, когда вы соизволили несколько изменить мой маршрут. Так вот, с ним не случится ничего плохого, если я через час вернусь в префектуру полиции. Смогу ли я вернуться туда через час, мсье?

– Нет, – с обычной для него лаконичностью ответил незнакомец.

– Тогда это путешествие может иметь неприятные последствия для того, кого я безвинно продержу в заточения больше, чем мне бы этого хотелось. Позвольте, мсье, написать при вас

приказ, который мой кучер доставит куда нужно и в котором я распоряжусь немедленно освободить мсье Сальватора.

Поставив имя нашего приятеля в самый конец фразы, господин Жакаль, как говорят в театре, усилил действие сказанного. И понял, что добился своего по тому, как невольно вздрогнул его спутник.

– Стоп! – крикнул тот кучеру. Вернее, тому, кто исполнял обязанности кучера.

Карета застыла как вкопанная.

– Нет ничего проще, – небрежно бросил господин Жакаль. – Я сейчас напишу при свете луны несколько строчек на листке моей записной книжки.

И, словно уже получив на то разрешение, господин Жакаль поднес было руку к повязке на глазах. Но спутник остановил его руку.

– Не надо проявлять инициативы, мсье. Здесь мы, а не вы решаем, как все должно происходить.

Закрыв окна, незнакомец тщательно задернул шторы из красного шелка, предназначавшиеся для того, чтобы никто не видел, что происходит в карете, и одновременно не дававшие возможности сидящим в карете видеть то, что происходит вне ее. После чего он достал из кармана маленький фонарик и зажег его с помощью фосфорной спички.

Господин Жакаль услышал потрескивание разгоревшейся спички и почувствовал терпкий запах фосфора, который проник в дыхательные пути.

– Вот уж воистину, – сказал он, – я имею дело с людьми, которые не желают, чтобы я полюбился природой. Это очень несговорчивые люди. Как приятно иметь с ними дело.

– Мсье, – сказал ему на это сосед, – теперь можете снять повязку.

Господин Жакаль не заставил повторять это дважды. Медленно, словно человек, которому некуда торопиться, он снял платок, который на некоторое время сделал его слепым, словно Судьбу или же Любовь.

Он был в герметично закрытой коробке.

И понял, что ему не удастся увидеть ничего из того, что происходит на улице, поскольку не было видно ни единой щелки. Поэтому, немедленно покоровшись судьбе, как это делают обычно все решительные люди, он достал из кармана записную книжку и написал на одном из ее листков:

«Приказываю господину Канлеру, дежурному в помещении Сен-Мартен, немедленно выпустить на свободу господина Сальватора».

Поставил дату и расписался.

– Теперь, – сказал он, – можете отдать этот приказ моему кучеру. Он достойный и замечательный человек, привыкший к моим филантропическим поступкам. И он немедленно выполнит поручение, которое я ему дам.

– Мсье, – ответил с обычной для него вежливостью сосед господина Жакаля по карете, – полагаю, что нам еще представится случай воспользоваться услугами вашего кучера. А для таких поручений у нас есть люди, которые стоят всех кучеров мира.

Незнакомец погасил фонарь, ловко и тщательно завязал платок на глаза господина Жакаля, приказал ему более строгим тоном не делать ненужных движений, открыл дверцу кареты и позвал кого-то.

Но при этом незнакомец произнес имя, которое не имело ничего общего с обычными именами людей.

Господин Жакаль почувствовал, как один из ехавших на запятках людей слез оттуда, потом услышал приближавшиеся к открытой дверце шаги. Затем начался разговор на мягком, гармоничном и приятном для слуха наречии, которого начальник полиции, знавший почти все языки мира, никак не мог понять. Диалог продлился несколько секунд и закончился вручением приказа господина Жакаля. Потом дверца кареты закрылась и послышались два слова

по-английски: «All right!», означавшие в переводе на французский язык не что иное, как: «Все в порядке!»

И, уверенный в том, что все было в порядке, как сказал сидевший в карете человек, кучер стеганул лошадей, и карета понеслась с той же скоростью, с какой она ехала до этой внезапной остановки.

В этот раз карета ехала всего минут пять. И тут снова вздрогнула от удара нового груза по ее крыше. Но на сей раз звук удара был несколько специфичным, и господин Жакаль своим острым слухом уловил по звуку удара этого предмета о крышу, что это было что-то длинное, не такое короткое и компактное, как в первый раз. Кроме того, он уловил звук дерева.

«Первый предмет походил на моток веревки, – подумал господин Жакаль. – Второй очень похож на лестницу. Кажется, нам предстоит куда-то подниматься и спускаться. Да, я имею дело с очень предусмотрительными людьми».

И, как и в первый раз после получения дополнительного груза и опровергая все законы динамики, карета понеслась вперед с еще большей скоростью.

«Эти ребята, – подумал господин Жакаль, – вероятно, открыли новую движущую силу. Они так умело останавливают кареты, что могли бы сделать себе состояние на этом открытии. Но на каком же, черт возьми, языке они только что говорили? Это явно не английский, не итальянский, не испанский, не немецкий, не польский, не венгерский и не русский: в славянских языках много больше гласных, чем я услышал. Но это и не арабский: в арабском языке есть некоторые гортанные звуки, которые я бы легко узнал. Это, очевидно, турецкий, персидский или хинди. Скорее всего все же хинди».

Когда господин Жакаль остановился на хинди, карета тоже остановилась.

Глава CVII

В которой господин Жакаль, как и предполагал, поднимается и спускается

Почувствовав, что карета остановилась, господин Жакаль, начавший уже привыкать к общению со своими похитителями, решился спросить:

– Мы, случаем, не должны ли кого-нибудь здесь захватить?

– Нет, – лаконично ответил уже знакомый голос. – Но кое-кого мы здесь оставим.

И, услышав какую-то возню на сиденье кучера, господин Жакаль почувствовал, как одна из дверей кареты внезапно распахнулась.

– Дайте вашу руку, – произнес голос одного из трех оставшихся людей.

Это не был голос кучера или человека, который сидел рядом с ним в карете.

– Руку? Зачем? – спросил господин Жакаль.

– Да я не вас прошу подать руку, а вашего дурака-кучера. Он готов с вами расстаться. А поскольку он вас, возможно, уже никогда не увидит, то он хочет попрощаться с вами.

– Что? Бедняга! – воскликнул господин Жакаль. – Неужели с ним приключится какая-то беда?

– С ним? Да какая беда может с ним приключиться? Отнюдь: его аккуратно доставят в условное место и только там с него снимут повязку.

– Но что же в таком случае означают ваши слова? Вы ведь только что сказали, что он, возможно, никогда больше меня не увидит!

– Это означает только то, что он, возможно, не увидит вас больше вовсе не потому, что несчастье случится обязательно именно с ним.

– А, ну да! – сказал господин Жакаль. – Ведь нас же двое...

– Вот именно. Несчастье может приключиться только с вами.

– Да, – произнес господин Жакаль. – А этот парень должен обязательно покинуть меня?

– Так надо.

– И все же, если мне позволено будет выразить желание, я хотел бы, чтобы этот парень остался со мной, каков бы ни был итог всего этого.

– Мсье, – ответил незнакомец, – не нам говорить такому человеку, как вы, каким может быть *итог всего этого* (он сделал ударение на последних словах). Но свидетель нам не нужен.

Эти слова, а особенно тон, которым они были произнесены, заставили господина Жакаля вздрогнуть. Он знал, чем может закончиться дело, когда убирают свидетелей. Сколько опасных преступников было казнено на его глазах ночью за городом в какой-нибудь яме, за какой-нибудь стеной, в лесу и без свидетелей!

– Что ж, – сказал он, – поскольку так необходимо, чтобы мы расстались с этим несчастным парнем, вот моя рука.

Кучер поцеловал руку господина Жакаля и одновременно спросил:

– Не будет ли нескромным с моей стороны напомнить вам, мсье, что завтра вы должны заплатить мне за месяц?

– Ах, дурень ты этакий! – сказал господин Жакаль. – Так вот что тебя заботит в такой момент? Господа, позвольте мне снять повязку, и я расплачусь с ним.

– Не стоит, мсье, – сказал незнакомец. – Я заплачу ему сам. Держи, – обратился он к кучеру, – вот пять луидоров за месяц работы.

– Мсье, – сказал кучер, – это на тридцать франков больше, чем нужно.

– Выпьешь на них за здоровье твоего хозяина, – произнес насмешливо голос, который господин Жакаль уже раз слышал.

– Ну, хватит, – сказал сосед господина Жакаля по карете. – Закройте дверцу, и поехали дальше.

Дверца закрылась, и карета опять понеслась с той же скоростью.

Мы больше не будем анализировать впечатления господина Жакаля от этого ночного путешествия.

Начиная с этого момента, с каким бы вопросом он ни обращался к своему спутнику, он получал такой ужасающе краткий ответ, что вскоре предпочел помолчать. Но его начали осаждать тысячи призраков. Чем быстрее катила карета, тем более многочисленными становились его опасения. В результате всего этого беспокойство его переросло в испуг, испуг в страх, страх в ужас, а ужас в отчаяние, когда его спутник сказал после получасовой бешеной скачки:

– Приехали.

Карета остановилась. Но, к большому удивлению господина Жакаля, дверца ее не открылась.

– Вы сказали, мсье, что мы уже приехали, не так ли? – отважился спросить господин Жакаль у своего спутника.

– Да, – ответил тот.

– Но почему же в таком случае нам не открывают дверцу?

– Потому что еще не пришло время ее открывать.

Услышав, как с крыши кареты снимают груз, который был положен туда во вторую очередь, и как он трется о крышу, начальник полиции снова подумал, что это должна быть лестница.

Это, действительно, была лестница. И человек в маске, заменивший кучера, приставил ее к стене какого-то дома.

Лестница доставала как раз до окна второго этажа.

Установив лестницу, человек этот открыл дверцу кареты и произнес по-немецки:

– Готово.

– Вылезайте из кареты, мсье, – сказал спутник господина Жакаля. – Вам подают руку.

Господин Жакаль, не говоря ни слова, вылез из кареты.

Мнимый кучер подал ему руку, поддержал, когда он спускался с подножки, и подвел его к лестнице.

Спутник господина Жакаля вылез следом и тоже приблизился к лестнице.

Там, чтобы господин Жакаль не почувствовал себя покинутым, он положил ему руку на плечо.

Второй незнакомец, уже взобравшийся на лестницу, вырезал с помощью алмаза стекло на уровне шпингалета.

Вынув стекло, он просунул в образовавшееся отверстие руку и открыл окно.

После чего подал сигнал оставшемуся внизу товарищу.

– Перед вами лестница, – сказал тот. – Поднимайтесь по ней.

Господин Жакаль не заставил себя упрашивать. Подняв ногу, он нащупал первую перекладину лестницы.

– Теперь, больше чем когда-либо, остерегитесь произносить хотя бы звук. Иначе вы погибли.

Господин Жакаль кивнул, подтвердив тем самым, что все понял.

И подумал:

«Итак, сейчас будет решаться моя судьба. Мы приближаемся к развязке».

Это только укрепило его в сознании того, что следует хранить молчание и взбираться по лестнице. Он исполнил этот маневр так, словно у него и не были завязаны глаза, стоял солнечный день, а лазание по лестницам было самым его любимым занятием.

Поднявшись по лестнице и на всякий случай насчитав семнадцать ступенек, он почувствовал, как его взял за руку тот человек, который уже влез в окно, и услышал, как тот ему сказал:

– Перенесите ногу.

Господин Жакаль проявил полное послушание.

Он перелез через подоконник.

Поднявшийся следом за ним человек сделал то же самое.

После этого тот, кто залез в дом первым и у кого, несомненно, не было другой задачи, как прокладывать путь и помочь господину Жакалю подняться по лестнице, спустился вниз, закинул лестницу на крышу кареты и, к ужасу господина Жакаля, умчался, пустив лошадей в галоп.

«Итак, я в заточении, – подумал он. – Но вот где именно? В каком месте? Это точно не подвал, поскольку я поднялся на семнадцать ступенек. Да, ситуация осложняется».

Затем обратился к своему спутнику.

– Не будет ли нескромным, – спросил господин Жакаль, – спросить у вас, закончилась ли наша прогулка?

– Нет, – послышался голос, по которому он узнал своего соседа по карете, который явно взял на себя обязанности его телохранителя.

– И длинный ли нам предстоит еще путь?

– Мы прибудем на место приблизительно через три четверти часа.

– Значит, мы снова поедem в карете?

– Нет.

– Тогда, значит, пойдem пешком?

– Точно.

«Ах-ах! – подумал про себя господин Жакаль. – Теперь все становится еще менее понятным. Три четверти часа ходьбы по второму этажу дома! Каким бы большим и живописным ни был этот дом, гулять по нему три четверти часа – дело чрезвычайно утомительное. Странно все это. И куда же мы придем?»

Тут господин Жакаль увидел, как через закрывающий его глаза платок пробивается свет. Это навело его на мысль о том, что его спутник снова зажег фонарь.

Затем он почувствовал, что его взяли за локоть.

– Пойдемте, – сказал ему его спутник.

– Куда же мы идем? – спросил господин Жакаль.

– Вы очень любопытны, – ответил проводник.

– Хорошо, я неточно выразился, – снова сказал начальник полиции. – Я хотел спросить: как мы пойдem?

– Говорите тише, мсье, – ответил ему голос.

«Ох-ох! Мы, кажется, находимся в жилом доме», – подумал господин Жакаль.

А затем произнес вслух тем же тоном, что и его собеседник, то есть, как и просили, тихо:

– Я хотел спросить у вас, мсье, каким образом мы будем передвигаться. Пойдем ли мы по ровной поверхности, придется ли нам спускаться или подниматься?

– Будем спускаться.

– Хорошо. Если надо просто спуститься, давайте спускаться.

Господин Жакаль произнес это игривым голосом для того, чтобы показать свое спокойствие. Но в глубине его души беспокойство все нарастало. Сердце колотилось с невероятной частотой. Находясь в полном мраке, он подумал о тех, кто путешествует свободно при безмятежном свете луны, *per arnica silentia lunae*², как говорил Вергилий.

---

² «Per arnica silentia lunae» (лат.) – «Под защитой луны молчаливой». (Прим. изд.)

Следует добавить, что это грустное настроение очень быстро прошло.

Тем более что господина Жакаля вывело из меланхолии одно событие.

Ему послышались шаги приближающегося к ним человека. Затем его спутник тихо о чем-то переговорил с вновь прибывшим. Поскольку этот вновь прибывший был именно тем человеком, кого они ждали, и только он мог провести их через какой-то лабиринт. Открылась дверь, и они начали спускаться по ступеням лестницы.

Все сомнения относительно этого окончательно рассеялись, когда спутник господина Жакаля сказал ему:

– Держитесь за перила, мсье.

Господин Жакаль взялся рукой за перила и стал спускаться.

Как и при подъеме, он стал при спуске считать ступени.

Их было сорок три.

И эти сорок три ступени вели во двор, мощный булыжником.

В этом дворе был колодец.

Человек, который держал в руке фонарь, направился к этому колодцу. Господин Жакаль в сопровождении своего спутника последовал за ним.

Подойдя к колодцу, человек с фонарем наклонился над его краем и крикнул:

– Эй, вы там?

– Да! – ответил ему голос, заставивший господина Жакаля вздрогнуть: ему показалось, что голос этот шел из глубины земли.

Человек с фонарем поставил тогда свой осветительный прибор на край колодца, схватился за конец веревки и потянул ее вверх, словно доставая из него ведро воды. Но вместо ведра он вытащил на поверхность корзину. Она была достаточно велика, чтобы вместить человека, а то и двух.

Но как осторожно он ни тянул из колодца эту корзину, блок, который, по всей вероятности, давно не смазывали, начал жалобно повизгивать.

Господин Жакаль узнал этот звук, и тело его начало покрываться холодным потом.

Но у него, как он ни хотел, не было времени на то, чтобы справиться с волнением, поскольку, едва корзина оказалась на земле, его впихнули в нее, подняли над землей, пронесли по воздуху и опустили в колодец с такой ловкостью и стремительностью, что можно было подумать, будто он имеет дело с шахтерами.

Господин Жакаль не удержался и испустил восклицание, которое скорее походило на стон.

– Если будете кричать, – сказал ему знакомый голос его спутника, – я отпущу корзину!

Это предупреждение заставило господина Жакаля вздрогнуть. И одновременно умолкнуть.

«Вообще-то, – подумал он, – если бы в их намерения входило сбросить меня в колодец, они не стали бы мне этим угрожать и сажать в корзину. Но куда, черт возьми, ведут они меня этим глупым путем? Ведь на дне колодца может быть только вода».

Но вдруг, вспомнив о своем спуске в Говорящий колодец, он подумал:

«Нет-нет, зря я считаю, что на дне колодца может быть только вода: там есть еще и эти огромные и запутанные подземные ходы, которые называются катакомбами. Все эти повороты и развороты были предназначены для того, чтобы сбить меня с толку. Но если все это делалось для того, чтобы запутать меня, моей жизни ничто не угрожает: ведь никто не станет запутывать человека, которого везут убивать. Не запутывали же Брюна, не запутывали Нея. Никто не сбивал с толку четырех сержантов из Ларошели. Единственно, что во всей этой истории ясно, так это то, что я попал в руки карбонариев. Но зачем бы им было меня похищать?.. Ах, да! Арест Сальватора. Ну, конечно же! Чертов Сальватор! Проклятый Жерар!»

Размышляя так, господин Жакаль, сжавшись в комок в своей корзине и ухватившись руками за веревку, спускался на дно колодца, а тем временем наверх с помощью тех, кто остался во дворе, поднималась другая корзина, нагруженная камнями и весившая почти столько же, сколько начальник полиции.

Почти одновременно раздался крик сверху, на который ответили снизу, чуть ли не рядом с господином Жакалем.

Крик сверху означал: «Он у вас в руках?», а крик снизу ответил: «Да, в руках».

Господин Жакаль был на дне колодца.

Его вынули из корзины. Она еще дважды поднялась и опустилась, доставив под землю обоих телохранителей господина Жакаля.

Глава CVIII

В которой господин Жакаль понимает наконец, что его ждет, и признает, что джунгли Америки менее опасны, чем девственные леса Парижа

Они пошли по длинным и просторным подземным ходам, которые мы уже описывали в одном из наших предыдущих томов.

Шагали медленно, делая тысячу поворотов и разворотов то ли потому, что это было так надо, то ли потому, что так хотели спутники господина Жакаля. Шли три четверти часа. Они показались пленнику целой вечностью. Настолько промозглость подземелья, размеренные и неторопливые шаги его спутников превращали эту ночную прогулку в похоронную процессию.

Подойдя к какой-то низкой двери, отряд остановился.

– Мы уже пришли? – со вздохом спросил господин Жакаль, начавший уже думать, что глубокая таинственность, которая окружала его похищение, заключала в себе очень большую опасность.

– Через минуту будем на месте, – ответил голос, который он услышал в первый раз.

Тот, кто произнес эти слова, открыл дверь, и в нее прошли двое спутников господина Жакаля.

А третий, взяв господина Жакаля за руку, сказал:

– Поднимаемся.

И господин Жакаль почувствовал, как нога его наткнулась на первую ступеньку лестницы.

Не успел он еще подняться на третью ступеньку, как дверь позади него захлопнулась.

Господин Жакаль в окружении своих телохранителей поднялся на сорок ступеней.

«Итак, – подумал он, – меня привели обратно в то помещение на втором этаже. Они по-прежнему стараются запутать меня».

Но на сей раз господин Жакаль ошибся. И очень скоро понял это, поскольку, выйдя на ровную поверхность, он вдохнул свежий воздух. Этот воздух, нежный и пахучий, проник в его легкие, освежая, словно лесной аромат.

Потом он сделал десять шагов по нежной траве. Хорошо знакомый уже голос спутника произнес:

– Теперь, поскольку мы прибыли на место, можете снять повязку.

Господин Жакаль не стал ждать второго приглашения и быстрым движением, показывавшим, что волнение его значительно большее, чем он старается показать, сорвал с глаз платок.

Когда он увидел открывшееся перед его глазами зрелище, он не смог удержать возглас удивления.

Он стоял в центре круга из сотни человек. Эти люди были, в свою очередь, окружены лесом.

Он посмотрел вокруг, и удивление его сменилось подавленностью.

Он попытался было узнать кого-либо из тех, чьи лица были освещены луной сверху и двумя десятками воткнутых в землю факелов снизу.

Но не увидел среди них ни одного знакомого лица.

Но где же он находился? Об этом он не имел ни малейшего понятия.

Насколько ему было известно, в радиусе десяти лье вокруг Парижа не было такого дикого места, где он сейчас находился.

Он попытался было найти над деревьями какой-нибудь ориентир, но дым факелов, смешиваясь с туманом и теменью леса, образовывал занавес, который не могло пробить даже натренированное зрение господина Жакаля.

Но особенно поразило его это угрюмое молчание: оно было вокруг него, над ним и даже, смеем сказать, под ним. Это молчание превращало всех стоящих вокруг него людей в призраки. Он так бы и подумал, если бы горящие в темноте глаза их не напоминали ему тех слов, которые теперь угрожающе звучали в его мозгу: «Мы не грабители! Мы враги!»

И он, как мы уже сказали, оказался ночью посреди леса в самом центре врагов, которых на взгляд и по счету было никак не менее сотни!

Господин Жакаль, нам это известно, был великим философом, великим вольтерьянцем, великим атеистом. Эти три различных слова, по сути, означают одно и то же. Однако, скажем это в упрек ему или в похвалу, в этот торжественный момент он сделал над собой сверхчеловеческое усилие и, подняв глаза к небу, приготовился отдать Богу душу.

Наши читатели, безусловно, уже узнали то место, куда привели господина Жакаля. И если господин Жакаль, несмотря на все усилия, не мог его узнать, скажем, что это получалось оттого, что он никогда не был в этом месте, хотя оно находится в самом Париже.

Потому что это был девственный лес на улице Апфер. Менее зеленый, конечно, чем в ту весеннюю ночь, когда мы попали в него в первый раз, но не менее живописный в эту пору поздней осени и в этот час ночи.

Именно отсюда ушли Сальватор и генерал Лебатар де Премон вырывать Мину из рук господина де Вальженеза. Именно там они назначили встречу, имевшую целью вырвать господина Сарранти из рук палача.

Но, как мы видели, Сальватор на эту встречу не явился. Вместо него пришел господин Жакаль.

Таким образом нам известны, по крайней мере внешне, некоторые из людей, собравшихся в этой покинутой усадьбе.

Это была *вента* карбонариев, усиленная еще четырьмя вентами, у которой ночью 24 мая генерал Лебатар де Премон просил помощи и покровительства для того, чтобы освободить своего друга.

Мы помним, какой ответ дали ему карбонарии. Мы уже говорили об этом в главе, которая называлась «*На Бога надейся, а сам не плошай*». Это был решительный, полный и единодушный отказ принять какое бы то ни было участие в освобождении заключенного. Но мы ошиблись, сказав, что отказ был единодушным: один из двадцати карбонариев, Сальватор, предложил тогда генералу свою помощь.

Мы знаем также о том, что за этим последовало.

Мы помним, какими вескими и разумными доводами обосновало собрание свое суровое решение. Но, опасаясь того, что наши читатели об этом уже подзабыли, дадим им возможность вспомнить об этом.

Тогда человек, которому братья поручили сообщить свое решение, сказал:

«Мы даем вам наш ответ с большим сожалением. Но в отсутствие *очевидных, неоспоримых, веских и неопровержимых* доказательств невиновности господина Сарранти мнение большинства таково, что мы не станем помогать вам в предприятии, которое имеет целью спасти от наказания того, кого закон *справедливо* приговорил к смерти. Я говорю *справедливо*, поймите меня правильно, генерал, до тех пор, пока не будет доказано обратного».

А именно утром этого дня, задумав совершить вылазку в Ванвр, Сальватор зашел к генералу Лебатару де Премону. Не застав того дома, он оставил ему такую записку:

«Сегодня в девственном лесу состоится собрание. Пойдите туда и скажите братьям, что у нас есть доказательства невиновности господина Сарранти. И что это доказательство я представлю в полночь.

Однако, начиная с девяти часов вечера, устройте с десятком преданных вам людей засаду неподалеку от Иерусалимской улицы. Вы увидите, как я войду в префектуру полиции. До этих пор я отвечаю за себя. Но когда я войду в здание префектуры (хотя и не думаю, что господин Жакаль, прекрасно меня знающий, осмелится на такое), меня могут арестовать.

Если я не выйду оттуда в десять часов вечера, это будет означать, что я арестован.

Но мой арест заставит господина Жакаля совершить несколько демаршей и вынудит его покинуть здание префектуры.

Сделайте все, как человек, имеющий опыт устройства засад. Схватите господина Жакаля и его кучера. От кучера отделайтесь, как посчитаете нужным, а господина Жакаля, запутав его, как только можно, и сбив со следа, доставьте в девственный лес.

Я займусь им, как только выйду на свободу».

Мы уже видели, как генерал Лебатар де Премон – а именно он и никто другой находился в карете рядом с господином Жакалем – с помощью своих друзей в точности выполнил все указания Сальватора.

Венте, или скорее пяти вентам, собравшимся в этот вечер для того, чтобы обсудить действия накануне предстоящих выборов, было в десять часов вечера передано посланцем генерала, что Сальватор арестован, что появились доказательства невиновности господина Сарранти и что возникла необходимость похищения господина Жакаля.

И тогда вся вента, то есть двадцать человек, в мгновение ока приняла все необходимые меры для того, чтобы господин Жакаль не смог ускользнуть. Другими словами, кроме тех четырех человек, которых господин Лебатар де Премон поставил возле префектуры полиции, кроме тех трех, с которыми он сам встал в засаду на Кур-ла-Рен, вся вента группами по четыре человека расположилась вдоль реки вплоть до заставы Пасси.

Как видим, господин Жакаль никак не мог скрыться. И он попался.

Мы проследовали за ним по всем поворотам, которые, по указанию Сальватора, были сделаны, и оставили его в центре круга из карбонариев в тревожном ожидании приговора, который, судя по всем признакам, мог быть только смертным.

– Братья, – важным голосом произнес генерал Лебатар де Премон, – перед вами стоит человек, которого вы ждали. Как и предвидел наш брат Сальватор, его арестовали. Но, как он предписал, в случае его ареста тот, кто посмеет поднять на него руку, будет похищен. И теперь он перед вами.

– Пусть он вначале отдаст приказ освободить Сальватора, – сказал чей-то голос.

– Я уже отдал такой приказ, – поторопился сказать господин Жакаль.

– Так ли это? – спросили живо пять или шесть голосов, показывая свою огромную заинтересованность судьбой Сальватора.

– Подождите, – сказал господин Лебатар де Премон. – В наши руки попал очень ловкий человек. И едва он понял, что стал нашим пленником, он немедленно стал думать о причинах своего похищения. И ему пришла в голову мысль о том, что он головой отвечает за нашего друга. И что первым нашим требованием, когда мы прибудем к месту назначения, будет освобождение Сальватора. Поэтому он взял инициативу в свои руки и, как он уже сказал, отдал такой приказ. Но мое мнение таково: приказ этот он должен был отдать, прежде чем покинул здание префектуры, а не после того, как попал в наши руки.

– Но, – воскликнул господин Жакаль, – я же ведь сказал вам, господа, что не отдал этот приказ перед выходом из префектуры по чистой забывчивости.

– Досадная забывчивость, братья это оценят, – сказал генерал.

– К тому же, – снова послышался голос человека, который спросил, правду ли говорил начальник полиции, – вы здесь, мсье, не только затем, чтобы ответить за арест Сальватора. Вы здесь потому, что у нас к вам есть тысячи претензий.

Господин Жакаль попытался было что-то ответить, но говоривший жестом заставил его замолчать.

– Я говорю не только о политических вопросах, – продолжил он. – Вы любите монархию, мы – республику, но это не так важно! Вы имеете полное право служить человеку точно так же, как мы посвятили себя принципу. Нет, вас схватили не как политического агента правительства, вовсе нет! Вы здесь потому, что превышаете свои полномочия, злоупотребляете своим служебным положением. Не проходит и дня без того, чтобы в тайный суд на вас не поступила новая жалоба. Каждый день кто-нибудь из наших братьев просит отомстить вам. Таким образом, мсье, вы давно уже осуждены на смерть. И если вы до сих пор живы, то только благодаря Сальватору.

Спокойный и медленный тон, грусть, с которой этим человеком были произнесены эти слова, произвели на господина Жакаля такое страшное действие, словно бы он услышал шорох крыльев ангела-мстителя. Он мог бы высказать тысячу возражений, он был довольно красноречив. А когда пришел его последний час, неожиданно и очень рано, у него была прекрасная возможность показать свое красноречие. Но ни единой мысли не пришло в его голову, настолько торжественное молчание этого многолюдного собрания требовало соблюдать тишину.

Молчание господина Жакаля дало другому человеку возможность взять слово.

– Человек, которого вы велели арестовать, – сказал он, – несмотря на то, что вы уже десять раз обязаны ему жизнью, очень всем нам дорог, мсье. И заодно только то, что вы его арестовали, что подняли руку на человека, которого должны были бы уважать и быть ему благодарным, вы уже заслужили смерть. Теперь мы будем принимать решение относительно вашей смерти. Нам принесут стол, бумагу, перья и чернила. Если во время принятия решения, которое можете считать решением высшего суда, вы пожелаете написать завещание, выразить свою последнюю волю, передать что-либо вашим родным или друзьям, скажите, и мы даем честное слово, что ваша воля будет в точности исполнена.

– Но, – воскликнул господин Жакаль, – для того, чтобы завещание имело законную силу, нужен нотариус, даже два нотариуса!

– Но не для собственноручно написанного завещания, мсье. Вы ведь знаете, что завещание, целиком и полностью написанное рукой завещателя, является самым бесспорным, если его составитель здоров телом и находится в полном рассудке. К тому же здесь сто свидетелей, которые смогут засвидетельствовать то, что в момент написания вами завещания вы были не больны и в полном сознании. Вот стол, чернила, бумага и перья. Пишите, мсье, пишите. А мы, чтобы вам не мешать, отойдем в сторонку.

Говоривший сделал знак, и все собравшиеся, словно бы они только этого и ждали, дружно отступили и моментально скрылись в лесу.

Господин Жакаль остался один перед столом. Рядом с ним стоял стул.

Сомнений больше не было: перед ним лежала гербовая бумага, а эти люди ушли для того, чтобы принять решение о его судьбе.

Значит, надо было и впрямь писать завещание.

Господин Жакаль понял это, почесал нос и сказал:

– Черт! Черт! Значит, дело еще хуже, чем я предполагал.

Но о чем же господин Жакаль подумал прежде всего, когда понял, что ему пришел конец? О том, что надо написать завещание? Нет. О добре, которое он мог сделать, или о зле, которое сделал? Нет. О Боге? Нет. О дьяволе? Нет.

Он подумал всего-навсего о том, что неплохо было бы понюхать табаку. Он медленно взял щепоть, поднес ее к носу, с наслаждением втянул ноздрями, закрыл табакерку пальцем и снова повторил:

– Это уж точно: дело еще хуже, чем я предполагал.

И в этот момент он с горечью подумал о том, что джунгли Америки с пумами, ягуарами, гремучими змеями были в сотню раз менее опасными, чем этот фантастический лес, в котором он сейчас находился.

Но что же он мог сделать? За неимением лучшего он посмотрел на часы.

Но ему не представилось счастье узнать, который был час: его часы, которые он из-за хлопот накануне забыл завести, остановились.

Наконец он взглянул на бумагу, перо и чернила. Машинально сев на стул, он облокотился на стол.

Это вовсе не значило, что господин Жакаль решил написать завещание. Нет. Ему не было дела до того, умрет ли он, оставив завещание или без него! Просто у него дрожали ноги.

Сев, вместо того, чтобы взяться за перо и написать что-нибудь на бумаге, он уронил голову на руки.

Так он просидел четверть часа. Уйдя в свои мысли и полностью безразличный к тому, что происходит вокруг.

Из раздумий его вывело легкое пожатие опустившейся на плечо руки.

Он вздрогнул, поднял голову и увидел, что снова оказался посреди круга людей.

Но теперь их лица были более мрачными, взгляды более пылающими.

– Ну, что? – спросил господина Жакаля человек, который тронул его за плечо.

– Что вам от меня нужно? – спросил начальник полиции.

– Так вы намерены составить завещание или нет?

– Но мне нужно время на его написание.

Незнакомец вынул часы. Поскольку он был менее озабочен, чем господин Жакаль, он часы накануне завел, и они ходили.

– Сейчас три часа десять минут, – сказал он. – У вас есть время до половины четвертого. Целых двадцать минут. Если, конечно, вы не предпочитаете покончить с этим немедленно, чтобы не заставлять нас ждать.

– Нет-нет! – воскликнул господин Жакаль, подумав, что за двадцать минут многое может произойти. – Я должен в этом последнем в моей жизни документе написать очень важные вещи. Настолько важные, что сомневаюсь, что мне хватит этих двадцати минут.

– И все же их вам должно хватить. У вас нет ни секунды больше, – сказал человек и положил часы на стол перед господином Жакалем.

Затем он отошел и занял место в кружке.

Господин Жакаль взглянул на часы: одна из отведенных ему двадцати минут уже прошла. Ему показалось, что часы спешат, что стрелка их перемещается слишком быстро и он видит ее ход.

Лицо его помрачнело.

– Ну, что же вы ничего не пишете? – спросил хозяин часов.

– Пишу, пишу, – ответил господин Жакаль.

И, конвульсивно схватившись за перо, он начал писать.

Понимал ли он, что пишет? Этого мы сказать не можем, поскольку кровь его начала подниматься к голове. Он почувствовал, как она давит на виски, словно ему грозит апоплексический удар. А ноги, напротив, стали остывать с ужасающей быстротой.

Кроме этого, ни один вздох не вырывался из груди стоявших вокруг него людей, ни единый шорох не срывался с ветвей деревьев, не шелохнулась ни единая птичка, ни единое насекомое, ни единая травинка.

Слышен был только скрип пера да иногда звук рвущейся бумаги, поскольку рука, которая держала перо, вела себя нервно, дрожала и дергалась.

Господин Жакаль, словно желая передохнуть, поднял голову и посмотрел, а вернее, попытался было посмотреть вокруг. Но тут же снова опустил взгляд на бумагу, ужаснувшись глухой решимости, которая была написана на лицах тех, кто его окружал.

Но писать господин Жакаль прекратил.

Хозяин часов подошел к нему и сказал:

– Заканчивайте, мсье: двадцать минут уже истекли.

Господин Жакаль вздрогнул. Он сказал, что сейчас довольно холодно, что он не привык писать на воздухе, особенно по ночам. Что рука его дрожит, и это можно заметить, что в связи с этими обстоятельствами он просит у собравшихся снисхождения. Короче говоря, привел все те слабые доводы, к которым люди прибегают накануне смерти для того, чтобы еще хотя бы на несколько секунд отдалить наступление роковой минуты.

– У вас есть еще пять минут, – сказал человек и снова отошел в сторону.

– Пять минут! – воскликнул господин Жакаль. – Да что вы думаете? Пять минут на то, чтобы составить завещание, написать его, подписаться, дать ему высохнуть, прочесть, исправить ошибки!.. Пять минут на выполнение работы, которая требует месяца и спокойного состояния духа! Ну, господа, согласитесь, это немыслимое дело!

Карбонарии не прерывали его. Затем хозяин часов приблизился и сунул ему в лицо свой хронометр:

– Пять минут истекли, – сказал он.

Господин Жакаль вскрикнул.

Круг людей так плотно сжался, что господину Жакалю показалось, что его сейчас задуют эта живая стена.

– Подписывайте завещание, – сказал человек с часами, – и давайте покончим с этим.

– У нас еще много дел достаточно срочных и важных, – сказал другой карбонарий.

– Мы и так потеряли с вами много времени, – сказал третий.

Человек с часами подал господину Жакалю перо.

– Подписывайтесь, – сказал он.

Господин Жакаль взял перо и нехотя поставил свою подпись.

– Готово? – спросил кто-то.

– Да, – ответил человек с часами.

Затем, обращаясь к господину Жакалю.

– Мсье, – добавил он, – от имени всех собравшихся здесь братьев, я клянусь перед Богом, что ваше завещание будет в точности исполнено и что ваша последняя воля будет выполнена.

– Пойдемте, – сказал один из карбонариев, который до сих пор не произнес ни слова и в котором, судя по его атлетическому складу фигуры, можно было безошибочно узнать того, кому было поручено этим тайным судом привести приговор в исполнение. – Пойдемте!

И, схватив господина Жакаля за воротник, он выволок его из круга, который приоткрылся для того, чтобы дать проход палачу и его жертве.

Господин Жакаль, увлекаемый этим колоссом, уже сделал восемь или десять шагов по направлению к деревьям, и вдруг увидел в темноте сук, на котором висела петля и под которым была вырыта свежая яма, но вдруг из чащи леса появились два каких-то человека и преградили им дорогу.

Глава СІХ

В которой на рассмотрение господина Жакаля были предложены различные способы спасения жизни господина Сарранти

В тот самый момент, когда господин Жакаль уже видел себя болтающимся, подобно зловещей лиане, на веревке, которой суждено было стать не самым красивым, но последним событием в его жизни, когда он уже почувствовал, как на шее его затягивается этот роковой узел, два каких-то человека, как мы уже сказали, преградили им путь, появившись внезапно неизвестно откуда. Было ясно, что из-под земли, но откуда именно? Этого сказать не мог никто, и уж, конечно, этого не мог понять господин Жакаль, которому в эти последние минуты изменило его хваленое хладнокровие.

Один из этих вновь появившихся людей протянул руку и произнес одно только слово:

– Стойте!

Услышав это, тот из братьев, кому было поручено привести приговор в исполнение – а этим братом был не кто иной, как Жан Торо, – отпустил господина Жакаля, который рухнул на колени и радостно и удивленно вскрикнул, признав в человеке, только что произнесшем слово «Стойте!», Сальватора.

Действительно, это был Сальватор в сопровождении того человека, которого генерал Лебатар де Премон направил с приказом начальника полиции, где предписывалось освободить Сальватора.

– Ах, мсье Сальватор! – воскликнул господин Жакаль в порыве признательности. – Я обязан вам жизнью!

– И уже во второй раз, насколько мне помнится, – сурово ответил молодой человек.

– Во второй, в третий, – поспешил подтвердить господин Жакаль. – Признаю это перед лицом Бога в присутствии этого инструмента казни. Можете испытать мою признательность и увидите, что я не могу быть неблагодарным.

– Ладно, а пока... Люди, среди которых вы теперь находитесь, мсье Жакаль, не привыкли терять время и откладывать что-то на потом. Следуйте за мной, пожалуйста.

– О, с удовольствием, – сказал господин Жакаль, бросив последний взгляд на болтающуюся над ямой петлю.

И он поторопился вслед за Сальватором, пройдя не без дрожи мимо Жана Торо, который тяжелой поступью последовал за господином Жакалем, словно бы подчеркивая, что тот еще не до конца избавился от угрозы, которую таили в себе веревка и яма, от которой они удалялись.

Через несколько секунд они снова пришли на то самое место, где господин Жакаль пускался на всяческие уловки с завещанием, стараясь оттянуть время казни.

Карбонарии были на месте и что-то обсуждали вполголоса.

Люди расступились и пропустили в центр круга Сальватора, господина Жакаля и следовавшего за ним, словно тень, и наводящего ужас на начальника полиции Жана Торо.

Господин Жакаль, к своему большому огорчению, заметил, что при виде его глаза присутствующих загорелись мрачным огнем, лица нахмурились, словно бы для всех его появление было сюрпризом, никому не приносящим удовлетворение.

Действительно, во всех устремившихся на него взглядах читался немой вопрос: «Почему вы снова привели к нам этого человека?»

– Да-да. Я вас прекрасно понимаю, братья, – сказал Сальватор. – Вы удивлены тем, что снова видите среди вас господина Жакаля в тот момент, когда предполагали, что он отдает

душу Богу или дьяволу. Но вот о чем я подумал и вот причина того, что господин Жакаль пока, не буду зарекаться на будущее, все еще жив: я понял, что мертвый господин Жакаль не принесет нам никакой пользы, а живой господин Жакаль может быть нам, напротив, очень полезен. Имея в виду, что он проявит добрую волю, в которой я, зная его характер, нисколько не сомневаюсь. Не так ли, мсье Жакаль? – добавил Сальватор, повернувшись к начальнику полиции. – Вы ведь постараетесь сделать все от вас зависящее?

– Вы ответили за меня, мсье Сальватор. Я не подведу вас, будьте спокойны. Однако же я взываю к вашей порядочности в надежде, что вы не заставите меня делать то, чего я никак не смогу.

Сальватор кивнул, словно говоря этим: «Будьте покойны».

Затем, повернувшись к карбонариям:

– Братья, – произнес он. – Поскольку человек, который мог сорвать наши планы, находится перед нами, я не вижу причин, по которым мы не могли бы их обсудить в его присутствии. Господин Жакаль может дать нам хороший совет, и не сомневаюсь в том, что он поправит нас, когда мы ошибемся.

Господин Жакаль подтвердил эти слова кивком головы.

Молодой человек обернулся к нему.

– Казнь по-прежнему назначена на завтра? – спросил он.

– Да, на завтра, – ответил господин Жакаль.

– На четыре часа пополудни?

– На четыре часа, – повторил господин Жакаль.

– Хорошо, – сказал Сальватор.

Затем, посмотрев направо и налево, Сальватор обратился к спутнику господина Жакаля по подземелью.

– Что вы сделали в предвидении этого, брат?

– Вот что, – ответил карбонарий. – Я снял напрокат все окна второго этажа на набережной Пеллетье и все окна домов, выходящих на Гревскую площадь, начиная с мансард и кончая первыми этажами.

– Но, – произнес господин Жакаль, – вам это должно было обойтись в кругленькую сумму!

– Пустяки: это стоило мне всего-навсего сто пятьдесят тысяч франков.

– Продолжайте, брат, – сказал Сальватор.

– У меня в распоряжении четыреста окон, – продолжил карбонарий. – Если поставить по три человека на окно, получится тысяча двести человек. Я поставил четыре сотни человек на улице Мутон, улице Жан-де-Лепин, на улице Ваннери, на улице Мартруа и на улице Таннери. То есть на всех выходах на площадь Ратуши. Еще две сотни человек расположены между воротами тюрьмы «Консьержери» и Гревской площадью. Каждый из них вооружен кинжалом и парой пистолетов.

– Дьявольщина! Это вам должно было обойтись намного дороже, чем снять четыреста окон!

– Ошибаетесь, мсье, – ответил карбонарий. – Мне это ничего не стоило: окна можно купить, сердца же не покупаются.

– Продолжайте, – сказал Сальватор.

– Вот как все должно будет произойти, – продолжил карбонарий. – Горожане, зеваки, женщины, дети по мере того, как кортеж будет приближаться к площади, будут оттеснены нашими людьми в сторону Гревской набережной и моста Сен-Мишель. Они ни в коем случае не смогут замешаться в наши ряды.

Господин Жакаль слушал все это с большим вниманием и огромным удивлением.

– Повозка с пленником в сопровождении эскорта жандармов выедет из «Консьержери» приблизительно в половине четвертого. Она направится к Гревской площади по набережной Цветов и проедет беспрепятственно до конца моста Сен-Мишель. Там один из моих индусов бросится под колеса и повозка раздавит его.

– А! – прервал его господин Жакаль. – Я имею честь говорить, если не ошибаюсь, с господином генералом Лебатаром де Премоном?

– С ним самым, – ответил тот. – Вы, значит, подозревали, что я в Париже?

– Я в этом был уверен... Но сделайте милость, мсье, продолжайте. Итак, вы сказали, что один из ваших индусов бросится под колеса и повозка его раздавит...

И господин Жакаль, воспользовавшись паузой, которую сам же и создал, сунул руку в карман, вынул оттуда табакерку, открыл ее, с привычным наслаждением втянул носом огромную понюшку табаку и стал слушать, словно, набив нос табаком, он прочистил себе уши.

– При виде этого несчастного случая, который вызовет вопли толпы и на мгновение отвлечет внимание эскорта, – снова заговорил генерал, – все находящиеся поблизости от повозки люди перевернут ее с условным криком, по которому из соседних улиц выскочат наши люди. По нему же спустятся вниз все те, кто будет стоять у окон. Даже если предположить, что человек семьсот – восемьсот не успеют подбежать, у меня останется около тысячи человек, которые в мгновение ока окружат повозку со всех сторон и перекроют ей все пути. Постромки лошадей будут перерезаны, повозка опрокинута, десяток верховых увезут приговоренного к смерти. Я буду с ними. Для меня ясно только одно: или меня убьют, или я спасу господина Сарранти. Брат, – закончил генерал, повернувшись к Сальватору, – таков мой план. Считаете ли вы его выполнимым?

– Это может оценить господин Жакаль, – сказал Сальватор, оборачиваясь к начальнику полиции. – Только он один может сказать, каковы наши шансы на успех. Выскажите же ваше мнение, мсье Жакаль. И прошу вас говорить честно.

– Боже мой, мсье Сальватор, – ответил господин Жакаль, чувствуя, что опасность не исчезла, а только на время отдалилась, но все же обретя привычное хладнокровие, – клянусь вам самым дорогим, что у меня есть на свете, то есть моей жизнью, что, если бы я знал другой способ спасения господина Сарранти, я бы вам его тут же подсказал. Но, к несчастью, я предпринял такие меры безопасности, что спасти его просто не удастся. Поэтому я, клянусь, отчаянно ищущий этот способ, но все напрасно: пустив в ход все мое воображение, перебрав в памяти все способы побега и похищения пленников, я не могу ни на чем остановиться, абсолютно ни на чем.

– Простите, мсье, – ответил Сальватор, – но вы ушли в сторону от поставленного вам вопроса: я не прошу вас подсказать способ спасения господина Сарранти, я попросил вас только оценить план генерала.

– Позвольте, дорогой мсье Сальватор, – ответил на это господин Жакаль, – мне, напротив, кажется, что я ответил на ваш вопрос как нельзя более ясно. Я сказал вам, что не вижу способа спасти узника, а это значит, что не одобряю плана вашего почтенного друга.

– Но почему? – спросил генерал.

– Объяснитесь, – настойчиво попросил Сальватор.

– Все очень просто, господа, – продолжил господин Жакаль. – По вашему желанию освободить господина Сарранти вы можете судить о желании правительства помешать его похищению. Я нижайше прошу вас простить меня, но именно мне было поручено проследить за казнью. Поэтому я все предусмотрел заранее и составил план, очень похожий на ваш, но имеющий, естественно, совсем другую цель.

– Мы вас за это прощаем, поскольку это был ваш долг. Но теперь скажите нам всю правду: это в ваших собственных интересах.

– Так вот, – продолжал господин Жакаль несколько более уверенным тоном, – когда мне стало известно о прибытии во Францию генерала Лебатара де Премона после неудавшейся попытки похищения короля Римского...

– И давно ли вам известно, что я в Париже? – спросил генерал.

– Я узнал об этом спустя четверть часа после вашего приезда, – сказал господин Жакаль.

– И вы не приказали меня арестовать?

– Позвольте вам сказать, генерал, что так поступил бы только неискушенный в нашей профессии человек: арестовав вас сразу же по приезду сюда, я не узнал бы, зачем именно вы прибыли, или узнал бы только то, что вам захотелось бы мне сказать. Тогда как, оставив вас на свободе, я мог быть в курсе всего. Итак, поначалу я предположил, что вы прибыли сюда для того, чтобы собрать сторонников Наполеона II. Но я ошибся. Однако, благодаря тому, что я оставил вас на свободе, я узнал о дружбе, которая связывает вас и господина Сарранти. Я узнал и о том, что вы связались с господином Сальватором. Мне стало известно о том, что вы вместе с ним посетили парк замка Вири. Наконец, когда я узнал о том, что генерал, сторонник флорентийских карбонариев, был принят масонской ложей на улице По-де-Фер, я подумал, что генерал, используя эти две связи и действуя в интересах господина Сарранти, мог набрать пятьсот, тысячу, даже две тысячи человек для того, чтобы спасти господина Сарранти. Сами видите, я ошибся всего на двести человек. Я тогда подумал: генерал богат, как набоб, он скупит все оружие в наших оружейных магазинах. Но от этих же самых оружейников я смог узнать количество закупленного оружия и, следовательно, прикинуть, на скольких человек оно куплено. За последнюю неделю в Париже было куплено две тысячи шестьсот пистолетов и восемьсот охотничьих ружей. Если допустить, что двести пистолетов были куплены обыкновенными людьми и две сотни ружей приобрели охотники, остаются шестьсот ружей и две тысячи четыреста пистолетов. Что же касается кинжалов, вы купили их где-то восемьсот – девятьсот штук.

– Точно, – сказал генерал.

– И что же я тогда сделал? – продолжал господин Жакаль. – Да то же самое, что и вы сделали бы на моем месте. Я подумал: генерал собирается вооружить две тысячи человек, значит, нам надо вооружить шесть тысяч. Одна треть этих людей со вчерашнего дня прячется в погребах Ратуши. Две тысячи сегодня ночью укрылись в соборе Парижской Богоматери, который сегодня будет целый день закрыт под предлогом проведения ремонтных работ. И наконец, оставшиеся две тысячи человек, сделав вид, что проходят по Парижу, направляясь в Курбвуа, остановятся на Королевской площади, а в три часа тридцать минут двинутся на Гревскую площадь. Сами видите, что ваши тысяча восемьсот человек будут пойманы в сети моими шестью тысячами. Вот мои возражения, генерал, которые я высказываю вам как стратег и как филантроп. Как стратег я вас побью: у меня преимущество в оружии, в знамени, в форме, в месте сбора. А как филантроп я говорю вам: вы рискуете, проводя отчаянную попытку, которая заранее обречена на провал, поскольку я ее предвидел. Кроме того, и вам об этом подумать тоже не мешало бы, мсье Сальватор, вы проиграете на выборах. Горожане, которых вы перепугаете и которые дня три-четыре после этого не захотят открывать свои лавочки, отвернутся от вас. Роялисты начнут кричать, что Наполеон II стакнулся с якобинцами и что все порядочные граждане должны объединиться, чтобы остановить новую революцию... Вот такими мне видятся последствия этой катастрофы. Можете теперь относиться к моему мнению как вам заблагорассудится, но я от всего сердца предупреждаю вас, что этим поступком вы не спасете господина Сарранти, а сами можете погубить себя. Тем более что, идя на это, вы попытаетесь спасти не бонапартиста или республиканца, а грабителя и убийцу. Вот таковы дела.

Сальватор и генерал Лебатар де Премон обменялись взглядами, которые были поняты всеми карбонариями.

– Вы правы, мсье Жакаль, – сказал Сальватор. – И хотя вы и являетесь единственной причиной несчастья, которое могло бы с нами приключиться, я вас тем не менее благодарю от

имени всех здесь присутствующих и отсутствующих братьев. Есть ли у кого лучший план? – спросил он, вопрошающе глядя на всех собравшихся.

Никто ему на это ничего не ответил.

Господин Жакаль тяжело вздохнул. Он был полон отчаяния.

Это отчаяние, казалось, разделяла большая половина карбонариев.

И только Сальватор был безмятежен лицом.

Подобно тому, как орел парит над облаками, он, казалось, парил над людскими судьбами.

Глава СХ

В которой способ спасения найден

После минутного молчания послышался, словно спустившийся с высот, на которых он парил, голос Сальватора.

– И все-таки есть один надежный способ, мсье Жакаль, – сказал он.

– Ну да? И какой же? – спросил тот, словно удивляясь тому, что сам до сих пор этого способа не нашел.

– Совершенно простой, – продолжал Сальватор. – И вы о нем, вероятно, не подумали именно потому, что он прост.

– Тогда скажите мне скорее, – произнес господин Жакаль, делая вид, что горит более, чем кто другой из служащих Сальватора, желанием узнать этот простой способ спасения господина Сарранти.

– Я, возможно, повторюсь, – сказал Сальватор. – Но поскольку вы, кажется, не поняли меня в первый раз, надеюсь, что поймете во второй.

Господин Жакаль сделал вид, что удвоил внимание.

– Вы помните, зачем я приходил к вам за несколько минут до того, как меня арестовали?

– Вы пришли, чтобы вручить мне и положили на стол доказательства невиновности господина Сарранти. Так вы мне по крайней мере сказали. Это был скелет ребенка, найденный вами в саду имения господина Жерара в Ванвре. Это ведь так, не правда ли?

– Именно так все и было, – ответил Сальватор. – А для чего я вручил вам эти улики?

– Для того, чтобы я доставил их в канцелярию королевского прокурора.

– Вы сделали это? – суровым тоном спросил молодой человек.

– Клянусь вам, мсье Сальватор, – торопливо ответил господин Жакаль проникновенным голосом, – что я уже направлялся к Его Величеству в Сен-Клу для того, чтобы переговорить с находившимся там министром юстиции о тех доказательствах, которые вы мне вручили.

– Давайте покороче, – сказал Сальватор. – У нас мало времени. Итак, вы этого не сделали?

– Нет, – ответил господин Жакаль, – потому что меня остановили на пути в Сен-Клу.

– Что ж, коли вы не смогли сделать этого в одиночку, мы отправимся вдвоем и сделаем это вместе.

– Не понял вас, мсье Сальватор.

– Вы проведете меня к королевскому прокурору и изложите ему все факты так, как вы их сегодня понимаете.

Каким бы большим ни казался интерес, который господин Жакаль проявил к предложению Сальватора, он не оценил его настолько быстро, как на это рассчитывал молодой человек.

– Я-то с удовольствием, – ответил он небрежно и покачал головой, словно бы не очень веря в успех того, что ему предлагалось сделать.

– Вы, кажется, не разделяете моего мнения, – спросил Сальватор. – Вам не нравится мой план?

– Ничуть, – ответил господин Жакаль.

– Изложите ваши мотивы.

– Когда мы приведем королевскому прокурору неоспоримые доказательства невиновности господина Сарранти, господин Сарранти останется тем не менее приговоренным решением суда присяжных. А решение этого суда, согласно нашим законам, неоспоримо. И какими бы вескими ни были доказательства его невиновности, никто не сможет выпустить его на свободу. Надо будет проводить новое расследование, начинать новый судебный процесс. А тем временем господин Сарранти будет оставаться за решеткой. Судебный процесс не имеет четко

определенных сроков, он может длиться год, два, десять лет. Он может быть бесконечным, если кому-то будет нужно, чтобы он не закончился. Так вот, предположите следующее: вся эта затяжка времени утомит господина Сарранти. Устав бороться и ждать, он падет духом, впадет в маразм, в нечто вроде сплина. И наконец, в один прекрасный день ему взбредет на ум покончить с этой жизнью.

Эти слова, после которых господин Жакаль остановился, чтобы оценить произведенное ими действие, словно ударили током всех собравшихся: все сто человек непроизвольно вздрогнули.

Господин Жакаль и сам перепугался произведенным на слушателей действием. Он подумал, что это может иметь для него неблагоприятные последствия, и, чтобы отвести от себя гнев людей, который мог на него обрушиться, живо добавил:

– Заметьте, мсье Сальватор, и скажите этим господам, что я всего-навсего полицейский, маленькое колесико в государственной машине. Я получаю импульс, но не даю его. Я не распоряжаюсь, я просто исполняю. Мне говорят: «Сделать так», и я подчиняюсь.

– Продолжайте, мсье, продолжайте. Эти господа и я сам не сердятся на вас. Мы благодарим вас за разъяснения.

Эти слова мгновенно вернули господину Жакалю всю его смелость.

– Итак, я вам уже сказал, – продолжил он, – что в один прекрасный день, когда судебный процесс будет уже подходить к концу, – если, конечно, до этого дойдет – люди, возможно, прочитают в утренних газетах о том, что тюремщик «Консьержери», войдя в камеру господина Сарранти, нашел его повешенным, как Туссена Лувертюра, или же задушенным, как Пишегрю. Потому что, – добавил господин Жакаль с ужасающей наивностью, – сами понимаете, что когда правительство пускает машину в ход, она не остановится у первого же верстового столба.

– Довольно!.. – глухо сказал Сальватор. – Вы правы, мсье Жакаль: это – плохой способ. Но, к счастью, – тут же добавил он, – отказавшись от этого пути точно так же, как и от плана генерала Лебатара де Премона, я могу предложить третий способ, который мне кажется много лучшим, чем первые два.

Все присутствующие вздохнули.

– Сейчас сами сможете в этом убедиться, – продолжал Сальватор.

Все задержали дыхание и обратились в слух. Нечего и говорить, что господин Жакаль был тоже одним из внимательнейших слушателей молодого человека.

– Поскольку, – снова заговорил Сальватор, обращаясь к господину Жакалю, – после ареста господина Сарранти вы времени даром не теряли, я тоже использовал свое время с толком. И, предвидя все то, что сейчас происходит, я три месяца назад разработал план, который и собираюсь вам сообщить.

– Вы представить себе не можете, с каким интересом я вас послушаю, – сказал господин Жакаль.

Сальватор незаметно улыбнулся.

– Вы ведь знаете тюрьму «Консьержери» как свои пять пальцев, не так ли, мсье Жакаль? – продолжил он.

– Естественно, – ответил тот, удивляясь, как это ему могли задать такой простой вопрос.

– Если войти в нее через ворота между двумя башнями, то есть тем путем, каким обычно вводят и выводят заключенных, надо пройти через дворик и тогда, миновав пропускной пункт, окажешься в помещении тюремного смотрителя. Иными словами, в вестибюле тюрьмы.

– Точно так, – подтвердил господин Жакаль и кивнул головой.

– Посреди помещения тюремного смотрителя есть очаг, вокруг которого обычно собираются поболтать будочники, полицейские и жандармы. Напротив входной двери есть еще одна дверь, которая выходит в коридор, где расположены обычные камеры. Там нам делать нечего.

Налево от входной двери, слева от очага, в комнате с каменным полом находится дверь с решеткой, которая ведет в отдельный коридор, где расположены камеры смертников.

Господин Жакаль снова подтвердил эти слова кивком головы: описание места давалось с большой точностью.

– Именно там должен сидеть господин Сарранти. Если его поместили туда не сразу после вынесения приговора, то уж по крайней мере за четыре или пять дней до казни.

– За три дня, – уточнил господин Жакаль.

– И именно там, не так ли, он будет находиться до самого часа казни?

Господин Жакаль снова утвердительно кивнул.

– Итак, с первым пунктом все ясно. Перейдем ко второму.

Он на секунду умолк.

– Видите, что такое случай, – снова заговорил Сальватор, – и сколько раз он, что бы ни говорили пессимисты, помог честным людям! Однажды, часов около четырех вечера, выйдя из Дворца правосудия, где я присутствовал на одном из последних заседаний суда по делу господина Сарранти, я спустился к реке и свернул в сторону одной из опор моста Сен-Мишель, где у меня обычно привязана лодка. Идя вдоль реки, я увидел расположенные выше уровня воды и ниже набережной Курантов четыре или пять отверстий, забранных решетками с двойными перекладинами. Я раньше никогда не обращал внимания на эти отверстия, считая, что это просто-напросто выходы канализации. Но в этот раз, находясь во власти нехорошего предчувствия в связи с вероятным вынесением смертного приговора господину Сарранти, я приблизился к отверстиям, вначале осмотрел их, а затем принялся изучать более детально. В результате этого осмотра я пришел к выводу, что открыть эти решетки не составляло особого труда. И что через них можно было проникнуть под набережную, а возможно, и под саму тюрьму. Но на какую глубину? Этого я знать не мог. В тот день я решил не заниматься больше этим вопросом. Но продолжал почему-то думать над этим всю ночь. На следующий день в восемь часов утра я был в «Консьержери». Должен вам сказать, что у меня там есть приятель. Сейчас вы убедитесь в том, как полезно всюду иметь друзей. Так вот, я отправился к нему. Мы с ним гуляли и разговаривали. За это время я пришел к убеждению, что одно из отверстий на берегу реки вело ко внутреннему дворику, где прогуливались заключенные. Главное было в том, чтобы узнать, как именно идет под землей этот канал, который должен был проходить неподалеку от камер смертников. «Ладно, – подумал я, – тут всего-то надо будет прорыть небольшой ход. А наши камнеомы из катакомб перед таким пустяком не отступят».

Пятеро или шестеро из слушавших Сальватора людей утвердительно кивнули.

Это были те самые камнеомы, о которых упомянул молодой человек в своем рассказе.

Сальватор продолжал:

– Итак, я достал план «Консьержери». Сделать мне это было, кстати, нетрудно, поскольку я просто-напросто срисовал его с плана, который обнаружил в библиотеке Дворца правосудия. Когда я был достаточно хорошо оснащен, я попросил трех наших братьев пойти со мной. В ту же самую ночь, – продолжал Сальватор, – а ночь была, к счастью, довольно темной, бесшумно распилив решетку на канализационном канале, я проник в это вонючее подземелье. Но, пройдя десять шагов, я был вынужден остановиться: путь мне преградила точно такая же решетка, как и та, что была на берегу Сены. Я вернулся назад и послал одного из своих людей с инструментом в этот темный и узкий проход. Через десять минут он упал к моим ногам на берегу. Он задыхался и не хотел возвращаться, не закончив дела. Уверенный в том, что препятствие с пути убрано, я снова вошел в это мрачное и зловонное подземелье. Теперь я прошел шагов двадцать. Но тут снова наткнулся на решетку. Я, задыхаясь, вернулся на берег и попросил другого моего спутника расчистить мне дорогу... Он вернулся полуживой. Но, как и первый, сделал то, о чем я его попросил: и вторая решетка была распилена. Я опять вернулся на берег к своим людям. Двое из них были вымотаны, на них рассчитывать не приходилось. Но третий был полон сил и

рвения: не успел я закончить свою мысль, как он уже исчез с инструментом в мрачном подземелье... Прошло десять минут, четверть часа, а он все не возвращался... Я отправился искать его в подземелье. Пройдя десять шагов, я наткнулся на что-то. Протянув руку, я нащупал тело человека. Схватив за блузу, я выволок его на берег реки. Но было слишком поздно: он был мертв. Бедный парень задохнулся!.. Таков был результат первого дня работы. Вернее, первой ночи, – хладнокровно закончил Сальватор.

Все выслушали рассказ об этом героическом труде с пониманием и интересом, которые нам нет необходимости описывать.

Господин Жакаль слушал рассказчика с огромным удивлением. Он казался себе подленьким и мелким по сравнению с этим отважным молодым человеком, казавшимся ему высотой в сто локтей.

Что же касается генерала Лебатара де Премона, то едва Сальватор произнес последние слова своего рассказа, как он подошел к молодому человеку.

– Тот, кто погиб, имел, конечно, жену и детей? – спросил он.

– Не беспокойтесь об этом, генерал, – сказал Сальватор. – С этим все в порядке. У жены есть тысяча двести франков пожизненной ренты, и для нее это целое состояние. Оба ребенка учатся в школе Амьене.

Генерал сделал шаг назад.

– Продолжайте, друг мой, – сказал он.

– На следующий день, – снова заговорил Сальватор, – я отправился в то же самое место с двумя оставшимися людьми. С теми, кто уже был со мной там накануне. Я вошел туда один, держа в каждой руке по бутылке хлора. Третья решетка была распилена, я мог продолжать свой путь. За третьей решеткой подземелье поворачивало направо. По мере того, как я уклонялся вправо, сечение подземелья сужалось. Вскоре я услышал, как над моей головой кто-то ходит: это был, очевидно, обход будочников или солдат, которые шли по внутреннему дворику. Там мне было делать нечего. Я с точностью рассчитал расстояние: я знал, что после тридцати метров надо было копать влево. Кривая, или скорее угол были рассчитаны с точностью стратегического подкопа. Я вернулся назад, посыпав весь свой путь хлором для того, чтобы по возможности дезинфицировать подземелье. Мы поставили на место первую решетку и, как и накануне, расстались. Топографическая съемка была произведена, оставалось начать практические работы. Трудность этих работ вы оцените сами, а я скажу вам, что трое человек, сменяясь каждый час, работая каждую ночь по два часа, потратили шестьдесят семь ночей для того, чтобы закончить этот труд.

Из груди всех присутствующих вырвался крик признательности и шепот восхищения.

И только три человека молчали.

Это был плотник Жан Торо и два его товарища: каменщик «Мешок с алебастром» и угольщик Туссен Лувертюр.

Они отступили назад, услышав, как карбонарии начали громко высказывать свое восхищение.

– Вот три человека, проделавшие этот гигантский труд, – сказал Сальватор, указывая на них собравшимся.

Трое могикан многое отдали бы за то, чтобы оказаться сейчас в том самом ходе, который они вырыли.

И потупились, словно дети.

– Спасем мы или нет господина Сарранти, – тихо сказал генерал Лебатар де Премон, – но эти люди будут обеспечены до конца своих дней.

Сальватор пожал генералу руку.

– Спустя два месяца, – снова заговорил молодой человек, – мы оказались прямо под камерой смертников. Камера эта всегда пуста, поскольку приговоренных к смерти сажают туда

только за два-три дня до казни. И таким образом мы могли, дойдя до нее, работать без опасения быть услышанными тюремщиками. Спустя семь дней мы сдвинули с места одну из плит пола. Скорее даже нам хватило чуточку подтолкнуть эту плиту клиновидной формы, чтобы она приподнялась настолько, что в нее мог пролезть узник. Для большей безопасности и на тот случай, если бы какой-либо тюремщик пришел на шум, который произвел бы узник при побеге, «Мешок с алебастром» вделал в эту плиту снизу стальное кольцо, за которое Жан Торо смог бы удержать плиту до тех пор, пока господин Сарранти не достигнет реки, где я поджидал бы его с лодкой. А когда господин Сарранти сядет в лодку, остальное будет моим делом! Таков, господа, мой план, – продолжил Сальватор. – Все готово. Остается только привести его в исполнение. Если только мсье Жакаль не докажет нам убедительно, что этот план может не удался. Говорите же, мсье Жакаль, да поскорее. У нас времени осталось в обрез.

– Мсье Сальватор, – серьезно ответил начальник тайной полиции, – если бы я не боялся показаться человеком, который льстит людям в каких-то своих интересах, я выразил бы вам свое огромное восхищение, которое испытываю по поводу столь грандиозного плана.

– Я не просил вас говорить мне комплименты, мсье, – ответил на это молодой человек. – Я спрашиваю ваше мнение.

– Вашим планом нельзя не восхититься и не поаплодировать ему, мсье, – ответил полицейский. – Да, мсье Сальватор, признавая, что я глупо поступил, когда велел арестовать вас, я должен сказать, что план ваш превосходен и безупречен. Уверяю вас, он должен получиться. Но позвольте мне задать один вопрос: когда узник будет на свободе, куда вы думаете его спрятать?

– Я уже сказал, что лично отвечаю за его безопасность, мсье Жакаль.

Господин Жакаль покачал головой, словно бы желая сказать тем самым, что одних уверений ему явно недостаточно.

– Что ж, я вам сейчас скажу все, что задумал, мсье, и надеюсь, вы присоединитесь к моему мнению насчет бегства точно так же, как вы согласились со мной насчет плана освобождения. На одной из улочек, выходящих на набережную, ждет почтовая карета. По всему пути следования подготовлены уже подставные лошади. Заранее послан нарочный. Отсюда до Гавра пятьдесят три лье: их можно преодолеть всего за десять часов, не так ли? В Гавре ждет, распустив пары, английский пароход. Таким образом в то самое время, когда народ начнет толпиться на Гревской площади в надежде увидеть казнь господина Сарранти, этот самый господин Сарранти покинет Францию вместе с генералом Лебатаром де Премоном, у которого после освобождения и отъезда господина Сарранти не будет более причин оставаться в Париже.

– Вы забываете о телеграфе, – сказал господин Жакаль.

– Ни в коем случае. Кто может поднять тревогу, указать маршрут следования беглеца, передать сообщение по телеграфу? Полиция, то есть мсье Жакаль. А поскольку мсье Жакаль остается с нами, все будет в порядке.

– Это верно, – произнес господин Жакаль.

– Итак, будьте любезны проследовать с этими господами в приготовленные для вас апартаменты.

– Готов выполнить любое ваше приказание, мсье Сальватор, – сказал полицейский с поклоном.

Но тут Сальватор остановил его, вытянув руку, но не дотрагиваясь до него.

– Мне нет необходимости предупреждать вас о том, что вы должны вести себя крайне осторожно, не делать ненужных поступков, не говорить ненужных слов. Знайте, что любая попытка к бегству будет пресечена незамедлительно и может закончиться для вас плачевно. Поскольку меня рядом с вами не будет и я не смогу защитить жизнь, как сделал это только что. Ступайте же, мсье Жакаль, и да хранит вас Бог!

Два человека взяли господина Жакаля под руки и скрылись с ним в глубине девственного леса.

Когда они исчезли из виду, Сальватор отвел в сторону генерала Лебатара де Премона, сделал Жану Торо, Туссену Лувертюру и «Мешку с алебастром» знак следовать за ним и все пятеро скрылись в подземелье.

Мы не пойдем вслед за ними в эти мрачные катакомбы, по которым мы уже прошли вместе с господином Жакалем и из которых они вышли в дом на улице Сен-Жак, расположенный рядом с Ореховой улицей.

Достигнув этой улицы, они разошлись: только Сальватор с генералом пошли вместе. Встретились они на берегу под набережной Курантов, где, как мы уже сказали, была привязана лодка Сальватора.

Остановились они в тени пролета моста.

Генерал Лебатар, Туссен Лувертюр и «Мешок с алебастром» сели в лодку в полной готовности отвязать ее и отчалить.

На берегу остались только Сальватор и Жан Торо.

– Теперь, – сказал Сальватор тихо, но так, чтобы его услышали не только плотник, но и трое сидящих в лодке спутников, – слушай меня внимательно, Жан Торо, и постарайся не пропустить ни единого слова, поскольку это самые последние инструкции.

– Слушаю, – сказал плотник.

– Сейчас ты, не останавливаясь и как можно скорее, пройдешь до конца прохода.

– Да, мсье Сальватор.

– Когда мы убедимся в том, что нет никакой опасности, ты упрешься плечами в плиту и, не производя шума, приподнимешь ее. Но не откидывай ее, чтобы не разбудить охранников. Когда ты все это сделаешь, то есть когда почувствуешь, что плита уже поднята, дернешь меня за рукав. Остальное я сделаю сам. Ты меня понял?

– Да, мсье Сальватор.

– Тогда вперед! – сказал Сальватор.

Жан Торо снял наружную решетку и вошел в подземелье. Он прошел его так быстро, как только мог это сделать человек его роста.

Сальватор шел в нескольких шагах позади него.

Они подошли почти к самой камере смертников.

Там Жан Торо развернулся и стал слушать. Сальватор тоже прислушался.

Кругом стояла глубокая тишина. Точно так же было тихо и над ними.

Не услышав ничего подозрительного, Жан Торо пригнулся, как смог, втянул голову в плечи, уперся ладонями в колени и так приналег на плиту, что через несколько секунд почувствовал, как она начала подниматься.

Он дернул Сальватора за рукав.

– Готово? – спросил Сальватор.

– Да, – тяжело дыша, прошептал Жан Торо.

– Хорошо! – сказал молодой человек, приготовившись действовать. – Теперь моя очередь. Толкай, Жан Торо, толкай!

Жан Торо толкнул. Плита начала медленно приподниматься над землей. В подземелье начал пробиваться слабый свет похоронной лампы. Сальватор просунул голову в образовавшееся отверстие, оглядел всю камеру и в ужасе вскрикнул.

Камера была пуста!

Глава СХІ

Что произошло в то время, когда господин Жакаль отдал приказ арестовать Сальватора, а Сальватор распорядился похитить господина Жакаля

Для того, чтобы найти объяснение тайне, которая так напугала Сальватора, нам следует вернуться к господину Жерару в тот момент, когда он с паспортом покинул кабинет господина Жакаля, торопясь как можно скорее уехать из Франции.

Не будем описывать те многочисленные чувства, которые овладели филантропом из Ванвра, когда он шел по длинному коридору и по темной извилистой лестнице, которые вели из кабинета господина Жакаля во двор префектуры полиции: собравшиеся по профессии этого достойного человека, стоявшие небольшими группками или бродившие под этими мрачными сводами, которые сегодня уже исчезли или готовы исчезнуть и напоминавшие без преувеличения преддверие ада, казались ему демонами, готовыми наброситься на него и вонзить свои когти в его плоть.

Поэтому он постарался как можно быстрее пересечь двор, словно опасаясь, что полицейские узнают его и схватят. Еще стремительнее он выскочил за ворота, испытывая опасение, что ворота перед ним захлопнутся и он станет пленником.

За воротами он увидел своего коня, которого оставил под присмотром какого-то служащего. Вручив этому человеку несколько монет, он вскочил в седло с легкостью жокея из Нью-маркета или Эпсома.

Дорога была продолжительным кошмаром: он гнал коня наметом. Это все походило на фантастическую скачку короля Онов через лес.

От грозы, которая еще совсем недавно с таким грохотом и огнем обрушивалась на землю, остались только черные тучи, которые закрывали собой луну. Время от времени вспыхивали недолговечные молнии, эти последние всполохи отгремевшей грозы. Они не сопровождались уже больше раскатами грома и освещали своим тусклым зловещим светом этого фантастического путешественника, который, вспоминая о своих детских страхах, стал бы, если бы осмелился, креститься после каждой вспышки молнии. Короче говоря, ночь была темна и словно бы специально создана для того, чтобы сеять ужас в самой неповинной душе. А филантроп из Ванвра, будучи реалистом, отнюдь не причислял себя к людям невинным и поэтому чувствовал, как по спине его струился холодный пот, а кровь в жилах становилась все более и более холодной.

Еще бы десять минут этой бешеной скачки – и он был уже в Ванвре. Но его конь, – довольно мощное, впрочем, животное, замученное ударами шпор, которые он получал начиная с самой Иерусалимской улицы, и порядком уставшее во время скачки из Ванвра в Париж, – начал качаться при каждом шаге и был готов рухнуть в любую минуту. Ветер, врываясь в чрезмерно расширенные ноздри коня, казалось, уже не доходил до его легких.

Господин Жерар начал вглядываться в темноту, стараясь прикинуть, через сколько же минут он сможет приехать домой. Натянув уздечку и сжав бока коня коленями, зная, что если конь хотя бы на секунду остановится, то упадет, он безжалостно вонзил в его бока шпоры.

Через пять или шесть минут, показавшихся ему часами, он смог уже различить в темноте силуэт своего замка. Спустя несколько секунд он был уже перед его дверью.

И тут случилось то, что и должно было случиться: остановившись перед дверью, конь завалился на бок.

Господин Жерар ждал этого и принял меры предосторожности. Поэтому, когда конь оказался на земле, господин Жерар уже стоял на ногах.

В любое другое время это происшествие вызвало бы жалость в душе господина Жерара, филантропия которого простиралась не только на людей, но и на животных. Но сейчас гибель лошади произвела на него очень слабое действие. Его единственной целью было опередить на возможно большее время и на максимальное количество прогонов фантазию господина Жакаля. Ибо господин Жерар знал, какой богатой была фантазия его покровителя. Знал он также и то, что господин Жакаль мог передумать и послать за ним в погоню. Теперь он преодолел один этап: прибыл домой. Первая цель была достигнута. И какое ему было дело, умрет или останется в живых благородное животное, спасшее ему жизнь!

Мы знаем, что филантроп из Ванвра не был образцом человеческой благодарности.

Итак, оставив коня лежать на земле и даже не подумав расседлать его, поскольку мало беспокоился о том, что станет с трупом животного, которое опознают только наутро, ибо оно пало не на дороге, а перед самым домом, господин Жерар стремительно открыл дверь, еще более стремительно закрыл ее за собой на два оборота и на все три задвижки, взлетел на третий этаж, вытащил из шкафа для обуви огромный кожаный чемодан, притащил его в свою спальню и зажег свечу.

И только тогда позволил себе передохнуть... Сердце его билось так часто, что ему в какой-то момент показалось, что оно вот-вот разорвется. Он несколько секунд простоял, прижав руку к груди, стараясь наладить дыхание. Затем, избегнув опасности умереть от нехватки воздуха, начал заниматься теми важнейшими операциями по подготовке к отъезду, которые называются укладкой чемоданов.

Любой человек, оказавшийся в этот момент в спальне, даже не очень сообразительный, понял бы, что господин Жерар преступник, только по одному тому, как бессмысленно он выполнял работу, которая обычно требует взвешенного подхода к себе: он бросал в чемодан безо всякого порядка и разбору нательное белье и верхнюю одежду, выхватывая все это из зеркального комода и из ящичков комода, смешивая в одну кучу чулки и ложные воротнички, рубашки и жилеты, запихивая сапоги в карманы одежд, башмаки в рукава рединготов. При малейшем им же производимом шуме он вздрагивал, останавливался, чтобы вытереть бледное лицо, покрытое потом, рубашкой или салфеткой.

Когда пришла пора застегивать чемодан, он оказался настолько набитым, что господину Жерару никак не удавалось закрыть крышку и запереть его на замок. И напрасно он прикладывал все свои силы. Тогда он выхватил из чемодана охапку белья и одежд, швырнул их на пол и только после этого смог закрыть чемодан.

После этого он открыл секретер, вынул из запертого на два оборота ящичка бумажник, в котором было на два или три миллиона ценных бумаг, выпущенных банками Австрии и Англии и которые он держал там на тот случай, если ему все-таки придется бежать из Франции.

Отвязал два дуствольных пистолета, висевших у изголовья его кровати на расстоянии вытянутой руки, быстро сбежал вниз по лестнице, помчался на конюшню, запряг двух лошадей в коляску, на которой собирался добраться до Сен-Клу. А там он рассчитывал взять почтовых лошадей, оставив своих почтовому смотрителю и попросив его позаботиться о них до его возвращения, и направиться по дороге в Бельгию.

За двадцать часов, оплатив ямщикам двойную цену, он смог бы оказаться за границей.

Когда лошади были запряжены, он сунул пистолеты в карманы коляски, открыл ворота, чтобы не вылезать из коляски при выезде из имения, и поднялся наверх за чемоданом.

Чемодан оказался невероятно тяжелым. Господин Жерар приложил немало сил, чтобы взгромоздить его на плечо, но потом понял, что занимается бесполезной работой.

И поэтому решил волочить чемодан по лестнице.

Но в тот момент, когда он уже нагнулся, чтобы взяться за кожаную ручку, ему послышался слабый шум. Словно шорох платья на лестнице.

Он живо обернулся.

В темном проеме двери показалась какая-то белая фигура.

Дверь походила на нишу, а белая фигура на статую.

Что значило это видение?

Что бы это ни было, но господин Жерар попятился.

Видение словно бы с трудом оторвало ноги от пола и сделало два шага вперед.

Если бы не присутствовала плоская и гнусная рожа убийцы, можно было бы подумать, что это – сцена из спектакля «*Дон Жуан*». Та самая, когда командор, беззвучно шагая по каменным плитам зала для пиршеств, заставляет отступить своего перепуганного гостя.

– Кто здесь? – спросил наконец господин Жерар, от страха кляцнув зубами.

– Я, – ответил призрак таким глухим голосом, что можно было подумать, что этот голос доносится из глубины склепа.

– Вы? – спросил господин Жерар, вытянув шею и весь обратившись в слух, безуспешно стараясь признать личность незнакомца, поскольку ужас мешал ему видеть. – Но кто вы?

Призрак ничего не ответил, а снова сделал два шага. Войдя в трепетный круг света, который образовывала свеча, он откинул капюшон.

Действительно, это был призрак: никогда еще худоба не властвовала столь деспотично над человеческим созданием. Никогда ни одно человеческое лицо не было столь смертельно-бледным.

– Монах! – воскликнул убийца голосом, которым мог бы вполне произнести: «Я погиб!»

– А! Вы наконец-то меня узнали! – произнес аббат Доминик.

– Да... Да... Да... Я вас узнал!.. – пролепетал господин Жерар.

Затем, подумав о том, что монах с виду явно слаб, вспомнив о набожном и утомительном странствии, которое тот только что совершил, он произнес, немного осмелев:

– Что вам от меня нужно?

– Сейчас скажу, – мягко ответил аббат.

– Нет, не сейчас, – сказал господин Жерар. – Завтра... Послезавтра.

– Почему не сейчас?

– Потому что я уезжаю из Парижа на сутки. Потому что я очень тороплюсь уехать и потому что не могу ни на секунду отложить мой отъезд.

– И все же вы должны меня выслушать, – твердым голосом произнес монах.

– В другой день, но не сегодня, не сейчас.

И господин Жерар взялся за чемодан. Он сделал два шага по направлению к двери, волоча за собой чемодан.

Монах отступил и загородил телом дверь.

– Вы не уйдете! – сказал он.

– Дайте мне пройти! – завопил убийца.

– Нет, – сказал монах тихо, но твердо.

Тут господин Жерар понял, что между ним и этим живым призраком должно произойти нечто ужасное.

Он бросил взгляд на то место, где обычно висели его пистолеты.

Но ведь он только что сам отвязал их и положил в коляску!

Он осмотрелся, нет ли под рукой какого другого оружия.

Но ничего не нашел.

Тогда он начал лихорадочно шарить в карманах в надежде найти там нож.

Но не нашел.

– Да, – сказал монах, – вам хотелось бы убить меня так же, как вы убили своего племянника, не так ли? Но, даже если у вас и было бы оружие, вы не смогли бы меня убить! Господь хочет, чтобы я жил!

Увидев решительное выражение лица монаха, услышав его торжественный голос, господин Жерар почувствовал, как страх снова овладевает им.

– А теперь, – произнес монах, – будете ли вы меня слушать?

– Да говорите же! – сказал господин Жерар, скрипнув зубами.

– Я пришел к вам, чтобы в последний раз, – сказал монах грустным голосом, – спросить у вас разрешения нарушить тайну вашей исповеди.

– Но вы требуете моей смерти! Это значило бы отправить меня на эшафот! Никогда! Никогда!

– Нет, я не требую вашей смерти, поскольку после того, как вы дадите мне это разрешение, я дам вам возможность уехать.

– Да, а пока я буду в пути, вы выдадите меня полиции, вы сообщите обо мне по телеграфу, и не успею я отъехать на десять лье, как меня схватят!.. Нет! Никогда!

– Я даю вам честное слово, мсье, вы ведь знаете, что я раб своего слова – что я воспользуюсь вашим разрешением только завтра в полдень.

– Нет! Нет! Нет! – повторил господин Жерар, взбадривая себя столь решительным отказом.

– Завтра к полудню вы сможете быть за пределами Франции.

– А если вы добьетесь моей выдачи?

– Я не стану требовать этого. Я человек мирный, мсье. Я хочу только, чтобы грешник раскаялся, а не был наказан. Я не хочу вашей смерти, но не допущу и смерти моего отца.

– Никогда! Никогда! – рявкнул убийца.

– Ах! Как это ужасно! – сказал, словно обращаясь к самому себе, аббат Доминик. – Вы что же, не слышите или не понимаете того, что я вам говорю? Вы не видите мою печаль? Вы не знаете того, что я только что пешком прошел восемьсот лье, что я был в Риме и вернулся оттуда? Что я ходил просить у святого отца разрешения открыть тайну вашей исповеди и... И не получил этого разрешения?..

Господин Жерар словно почувствовал, как над ним взмахнул крылом ангел смерти. Но и на этот раз смерть только дохнула на него и улетела прочь, не коснувшись его лица.

И он поднял поникшую было голову.

– О, знаете ли, – сказал он, – обязанности ваши по отношению ко мне святы и нерушимы. После моей смерти, да! Но пока я жив – нет!..

Монах вздрогнул и машинально повторил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.